

РУКОВОДСТВО ПО ЭТНОГРАФИИ

Марсель Мосс

Марсель Мосс

Руководство по этнографии | Избранное

<https://litres.ru/73955519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настоящее издание объединяет труды Марселя Мосса, посвященные методологии полевых этнографических исследований. Книгу открывают ранняя лекция «Ремесло этнографа» (1902) с принципами критики источников и статья «Этнография во Франции и за рубежом» (1913) — призыв к созданию во Франции передовых научных этнографических институтов.

В центре сборника — «Руководство по этнографии», составленное по конспектам и стенограммам лекций, прочитанных в 1926–1939 годах. Обосновывая метод «интенсивной этнографии», Мосс учит фиксировать общество как тотальность, где материальная культура неразрывно связана с правом и религией. Изложенный в руководстве курс, по задумке Мосса, завершает «Фрагмент плана описательной общей социологии» (1934), переводящий эмпирический опыт в теоретическую рамку.

Издание дополняет приложение — практическая инструкция (1931), созданная для проведения экспедиции Дакар—Джибути.

Содержание

Ремесло этнографа, социологический метод	5
Этнография во Франции и за рубежом	17
Руководство по этнографии	83
Предварительные замечания	84
Социальная морфология	104
Техники	114
Распределение техник	120
Общие техники общего назначения	121
Специальные техники и индустрии	130
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Марсель Мосс

Руководство по этнографии | Избранное

Ремесло этнографа, социологический метод

Из вступительной лекции к курсу «История религий нецивилизованных народов». Журнал «Revue de l'histoire des religions» (1902)

Секция религиоведения Практической школы высших исследований оказала мне огромную честь, пригласив заметить моего бывшего учителя. Пришло время рассказать вам, в каком духе я постараюсь выполнить возложенную на меня задачу. Разумеется, я не должен излагать вам все свои планы; иначе я рисковал бы дать обещания, которые, возможно, не смог бы выполнить. Надеюсь, вам будет достаточно, если я сегодня с определенной точностью обозначу некоторые тенденции, которым буду следовать в работе, к которой мы приступаем. И поскольку Марилье руководил этим семинаром, я ограничусь рассмотрением того же вопроса. Какова

будет тема наших лекций? Как мы будем наблюдать собранные нами факты? Как мы будем их объяснять? Вот три различных, но связанных между собой проблемы, по которым я должен сделать откровенные заявления, чтобы вы знали, чего от меня ожидать.

Все это нам даст анализ фактов. Очевидно, что прежде всего мы должны будем их зафиксировать и подвергнуть критике. Именно здесь мы сталкиваемся с глубоко укоренившимися предрассудками, непобедимыми не только в широкой публике, но даже в наиболее осведомленных научных кругах. Этнографические факты окружены определенным недоверием. Вы возразите, что никогда еще подобное недоверие не было столь беспочвенным. Мы несравненно лучше информированы, и вы в этом убедитесь, о ритуале земледельческих праздников *хопи*, чем о левитском жертвоприношении, и тем более о жертвенном ритуале греков. Недавние наблюдения этнографов отличаются точностью, богатством, надежностью и несравненной достоверностью. Пауэлл, Фьюкс, Бурк сфотографировали, я бы даже сказал, засняли на киноплёнку танцы, жесты, процессии, ритуальные предметы *хопи* и *моки* в Аризоне. Они записали на фонограф, транскрибировали и перевели формулы, которые читают братства «Флейты» и «Змеи». Именно под руководством самих *уичолей* Лумгольтц прочитал, расшифровал и сфотографировал их «молитвенные щиты». Наблюдения, которые Хэддон и Рэй сделали и собираются опубликовать о темно-

кожих жителях островов Торресова пролива, будут, возможно, полнее и точнее, чем переписи и описания нравов и обычаев жителей какого-нибудь французского департамента. Я мог бы бесконечно перечислять великолепные документы, собранные за последние тридцать лет Хейлом, Пауэллом, целой плеядой этнографов, сгруппировавшихся вокруг директора Бюро американской этнологии, а также Бастианом, фон ден Штейненом, Кодрингтоном, Эллисом, Жакотте и Риделем. Кроме того, наблюдения некоторых авторов представляют собой исключительную ценность. Например, Кэлэуэй написал свою книгу «Религиозная система амазулу» так же, как братья Гримм собирали свои сказки. Он знал язык и писал под диктовку авторитетных стариков. Морис среди *де-не-дундже*, Петито среди индейцев канадских Великих озер знают язык своих подопечных не лучше, чем иезуиты XVIII века знали религию *ирокезов* или *алгонкинов*, чем Гумилла знал *абипонов* Южной Америки, или чем некоторые итальянские миссионеры XVIII века знали нравы и обряды племен с берегов Конго.

Достоверных документов масса, правдивых свидетелей — множество. Подлинные факты изобилуют; в науке в них нет недостатка, не хватает лишь ученых, чтобы их наблюдать. Поэтому лишь по незнанию так часто ссылаются на недостоверные факты. Ведь всегда можно отделить зерна от плевел. Некоторые путешественники не заслуживали доверия; как вы знаете, не доказано, что Шатобриан вообще видел *нат-*

чей. Другие оказались плохими наблюдателями. Иногда они слишком вольно интерпретируют и претендуют на понимание вещей, которых не постигают: таков Имхаус, чьи мнения о меланезийском табу были опровергнуты Марилье. Иногда они предвзяты в пользу аборигенов или против них: например, то или иное племя обвиняют или не обвиняют в антропофагии в зависимости от степени симпатии, которую оно вызывает, или даже от того, какую симпатию оно вызывает у аборигена из соседнего, чаще всего враждебного племени. У иных авторов есть предрассудки, искажающие их наблюдения: один, будучи ярым антропологом, повсюду отрицает наличие понятия о великом боге; другой, ярый апологет, повсюду находит следы первобытного откровения (идею бога-творца, первородного греха, приносящего смерть, легенду о потопе). Но все эти недостатки документов можно устранить, или по крайней мере исправить с помощью критики. Всякий раз, когда известны автор и обстоятельства наблюдения, даже при отсутствии других источников, можно оценить степень доверия, которого он заслуживает.

На мой взгляд, самое худшее — это даже не эти ошибки, а расплывчатые сведения, которые все еще так часто встречаются в этнографических трудах. Только точное указание мест, дат и условий наблюдения позволяет провести надежную критику. Прискорбно слышать рассуждения о «китайцах вообще», но еще более прискорбно — об индейцах, австралийцах, о «меланезийской религии». Это значит гово-

ритель о несуществующих вещах. Разнообразие среди слабо-развитых социальных групп, даже принадлежащих к одной расе, таково, что достаточно небольшого расстояния, чтобы появились совершенно иные обычаи. Известно, что соседние племена порой не понимают друг друга. Нет ничего более разнообразного, чем религиозные системы индейцев Британской Колумбии, разве что народные обычаи бретонских или тиролевских деревень. Все меняется на расстоянии нескольких миль. Поэтому, если все остальные недостатки исправимы критикой, то неточность почти непоправима. Если с помощью знаний не удастся локализовать подобного рода сведения, факт остается в бесконечной туманности. Он не привязан к определенной социальной среде. Вне времени и пространства он плавает без определенного сопровождения других фактов, по отношению к которым его можно было бы критически оценить.

Что касается критики фактов, мне останется лишь следовать примеру, который подал Марилье. Сначала я буду приучать вас к библиографическому поиску, по возможности исчерпывающему и плодотворному, если это осуществимо. Факты крайне разрозненны; совокупность источников еще плохо изучена. Поэтому мы постараемся восполнить здесь, общим трудом, тот важнейший рабочий инструмент, которого еще не хватает этнографам, то полное руководство с исчерпывающими библиографическими указаниями для каждой изучаемой социальной группы, то, что Штейнмец назы-

вает «Бремом этнографии» и чего до сих пор не существует. Затем мы будем совместно тренировать наши критические способности. Одна из лекций этого курса будет посвящена именно анализу и тщательному изучению документов, относящихся к фактам определенного порядка, зафиксированным в конкретных группах обществ. Это будет семинарская работа, которую мы сделаем вместе, если вы не против, и которая будет заключаться в поиске всех возможных сведений и работе над ними настолько глубоко, насколько мы сможем. В этом году мы начнем с изучения этнографических текстов, касающихся магии у меланезийцев. Мы будем читать их сообща и, подобно тому как это делается на филологическом семинаре, искать все критические гипотезы, необходимые для восстановления подлинного факта, о котором идет речь. Участвуя таким образом в работе друг друга, мы постараемся возвести фундамент из надежных и хорошо проанализированных фактов.

Но это открытие истинной природы религиозных фактов сопряжено с реальными трудностями, о которых я должен вас предупредить. Впрочем, эти трудности общие для любого наблюдения за социальными явлениями. Подумайте о том, что лучшие сведения — это те, которые исходят непосредственно от «аборигена». Но нет ничего сложнее, даже для нас самих, чем осознать институты, в которых мы живем. Недавно миссионер в Корее Гейл весьма удачно описал¹

¹ Folk-Lore. 1900. P. 325.

трудности, которые испытывает кореец, пытаясь хорошо понять обычаи, которым он следует: «Я констатирую, что обычаи, как и язык, являются собственностью, которой владелец пользуется бессознательно. Например, кореец говорит что-то, и вы просите его повторить. Он не может повторить это в точности, потому что осознает только мысль, которая была у него в голове, а не термины, которые он использовал. Поэтому он ответит, выразив свою мысль более определенно, в другой форме, но так и не сможет повторить сказанное слово в слово. То же самое и с обычаями; они следуют им столь же бессознательно. Спросите их внезапно о чем-нибудь, и они, скорее всего, ответят отрицанием существования чего-либо подобного, и в данном случае они могут быть абсолютно искренни... Как воздух... обычай повсюду. Отправление правосудия по большей части является делом обычая. Передача собственности осуществляется по обычаю, а не по закону. Брак — это тоже только обычай. Дальний Восток окутан обычаями, и местный житель во многих случаях последним узнает об их существовании». То, что Гейл говорит о корейцах, с еще большим основанием можно сказать о социальных группах, которые называют «нецивилизованными». «Дикарь» очень часто последним точно знает, что он думает и что он делает. Поэтому самые лучшие сведения окажутся ошибочными, если воспринимать их буквально. Постоянно возникают трудности с постижением подлинных фактов. Это происходит оттого, что социальные факты в целом, и ре-

лигиозные факты в частности, суть нечто внешнее. Они — та интеллектуальная атмосфера, в которой мы живем; и мы мыслим их, как когда пользуемся родным языком, без волевого усилия, и особенно без осознания самих причин наших действий. Подобно тому, как лингвист должен обнаружить под неверными транскрипциями алфавита истинные производимые фонемы, так и под самыми лучшими сведениями от аборигенов (океанийцев или американцев) этнограф должен обнаружить глубинные, почти бессознательные факты, потому что они существуют лишь в коллективной традиции. Именно этих реальных фактов, этих вещей мы и постараемся достичь через документ. Зная, что обряды и верования — это социальные факты, которые трудно уловить, мы всегда должны будем искать, какова их истинная форма, способ их существования, передачи, функционирования. С этой стороны критическая и аналитическая работа будут в точности совпадать.

На третий вопрос, который мы себе задали, я хочу ответить очень кратко. Как мы будем объяснять факты? Вы понимаете, вы предчувствуете, в каком направлении мы направим наши усилия. Если верно, что прежде всего следует наблюдать религиозные факты как социальные явления, то еще более верно, что именно как таковые их и следует объяснять. Если этнографическая критика позволит нам вплотную приблизиться к реальным религиозным фактам, то связывать их нам придется с другими реальными фактами. Именно с объ-

ективно установленными социальными явлениями мы будем связывать объективно установленные религиозные явления. Таким образом мы получим когерентные системы фактов, которые сможем выразить в гипотезах — пусть предварительных, но в любом случае рациональных и объективных.

Именно этой работе по связыванию фактов, синтезу, как принято говорить, будет регулярно посвящена одна из двух лекций этого курса. В этом году курс будет посвящен «Элементарным формам молитвы». Прежде всего мы постараемся хорошо изучить те формы, на наш взгляд рудиментарные, которые этот религиозный институт принимает в Австралии и Меланезии. И мы постараемся объяснить эти формы теми социальными фактами, которые свойственны этим обществам. Например, важнейшим элементом словесного обряда является вера в действенность формул. Мы постараемся найти причину этой веры в определенных примечательных состояниях групп, которые совместно практикуют свои обряды. Но это будет не только частное объяснение, это будет также общая гипотеза о природе молитвы. Правда, она будет выведена из наблюдения за частными явлениями. Мы придем к ней через ряд абстракций и обобщений. Я не думаю, что этот необходимый результат покажется вам от этого менее надежным. В самом деле, чтобы придать теории научную ценность, достаточно четко обозначить дистанцию, отделяющую факты от общих гипотез, которые их выражают. Гипотеза всегда относительна по отношению к фактам, которые

она систематизирует; достаточно, чтобы она была выработана методично, путем сравнения и связывания исключительно тех фактов, которые установлены вне нас.

Главное — оставаться исключительно на почве фактов и систематизировать вместе только факты одного порядка. То есть мы должны объяснять религиозный факт другими религиозными или иными социальными фактами. С этой точки зрения мы откажемся от антропологических и психологических методов, которые применялись до Марилье и которые он сам перенял. Мы не будем искать общие мотивы, которые могли вдохновить на религиозные действия. Даже когда верование или обряд распространены повсеместно, связывать их с какой-то идеальной причиной — значит не объяснять их. Например, сказать, что причина погребальных культов — это любовь или страх перед умершим, вовсе не означает указать их истинную причину. Факт, с которым траурные обряды находятся в прямой, непосредственной связи — это семейная организация; именно от нее они зависят, а не от расплывчатых и смутных чувств. К тому же кажется, что объяснения из области общей и упрощенной психологии уже найдены. Возможно, уже сказано все, что можно сказать о психологических истоках понятия души, о характере магии как ложном применении принципа причинности. Будем считать, что эта работа сделана, и сделана хорошо. И со своей стороны будем искать действительно прямые причины. Если одни и те же факты встречаются повсеместно в очень разных

обществах, что ж! мы будем искать, какое везде одинаковое социальное состояние сохраняется в этих обществах. Например, обряды энвольтования удивительно схожи во всех обществах. Очевидно, их условием являются психологические законы ассоциации идей. Но это также происходит потому, что повсюду их причиной являются одни и те же состояния коллективного сознания. Если они сохраняются здесь и исчезают там, это связано с точными причинами, которые необходимо найти. Не все в магии объясняется «единством человеческого разума». Так, отношения магии и религии далеко не везде одинаковы даже в одной лишь Меланезии. Мы примем как необходимый постулат, что эти различия происходят из различий в юридической, религиозной и т.д. организации, словом — в социальной организации.

В конечном итоге, оставаться в рамках религиозных и социальных фактов, искать только непосредственно детерминирующие причины, отказаться от общих теорий, которые мало поучительны или объясняют лишь возможность фактов, — все это скорее акты методологической осторожности, чем научные отрицания. Это средства сделать гипотезы более точными, логичными и сильными. Впрочем, поступая так, мы лишь стремимся более четко осознать необходимости, которые уже чувствовали другие. Робертсон Смит давно подверг критике интеллектуалистский метод. Да и сам Марилье часто пытался связать тот или иной обряд или верование с тем или иным фактом коллективной жизни: например,

его курс о Потопе завершился объяснением легенд либо космогоническими верованиями, либо коллективной памятью о губительных локальных наводнениях или приливах. Речь идет просто о том, чтобы возвести в ранг необходимого принципа те процедуры, которые он сам также применял.

Этнография во Франции и за рубежом

Статья для журнала «Revue de Paris» (1913)

Этнография, описание так называемых первобытных народов — наука во Франции давняя. Она ведет свою родословную от Лери и его описания *карибов*, столь же знакомого Монтеню, как и «Космография» Теве; она может сослаться на Рошфора и его «Историю Антильских островов», Сагара и «Большое путешествие в страну *гуронов*». Затем следует серия «Назидательных и любопытных писем» и компиляции, в которых наблюдения смешаны с неопубликованными сведениями Лафито и Шарлевуа об индейцах Америки — столь известные в XVIII веке и которые столь беззастенчиво грабил Шатобриан. Популярными были также полуфантастические сочинения барона Лаонтана, его описания алгонкинских племен. Известно, впрочем, какое значение философы придавали рассуждениям, касающимся этих народов в естественном состоянии. Монтескье, Дидро, Вольтер, вспоминая Монтеня и его знаменитую главу «О каннибалах», не упускали случая сравнить первобытные и европейские мораль и религии. Де Бросс написал, используя французские

переводы Даппера и Босмана², свой «Культ богов-фетишей» — первый труд по сравнительному религиоведению. Затем Мармонтель и Рейналь популяризировали (вплоть до искажения) те знания, которыми располагали об инках и «Естественной и социальной истории обеих Индий». На этом мы остановимся. В XVIII веке исследования, основанные на наблюдении, и сравнительные исследования шли рука об руку. Переводились крупные зарубежные труды. Вплоть до эпохи Империи Франция сохраняла вкус и талант к этим исследованиям; традиция этнографических и географических экспедиций продолжала жить. И не без волнения можно до сих пор видеть в запасниках Сен-Жерменского музея прекрасные экспонаты, спасенные из Морского музея, датируемые временами Бугенвиля и Лаперуза, эпохой открытия Полинезии.

Наука, пользовавшаяся такой популярностью, пережила во Франции, после публикации материалов великих экспедиций прошлого века, настоящее затмение. В XIX веке на французском языке с трудом можно было бы найти работу, равную труду Лессона о полинезийцах (экспедиция Дюмон-Дюрвиля) или Перона из экспедиции Бодена. Госсен на Таити, Федерб в Сенегале — редкие исключения.

Однако за рубежом эта же наука получила колоссальное развитие.

² *Description de l'Afrique; Voyage en Guinée.*

В Англии открытие и завоевание колоний будоражили целый мир фактов, проблем и идей. С 1800 по 1825 год такие книги, как работы Коллинза об австралийцах, Раффлза и Марсдена о Малайзии, Эллиса о полинезийцах, вызывали живейшее любопытство. И сегодня они остаются незаменимыми источниками. Этнографическая традиция была заложена даже вдали от университетских кафедр, даже вне всяких ученых обществ.

В истории зарождающейся этнографии в Англии первое место следует отвести Грею. Грей был героическим исследователем Западной Австралии; он последовательно управлял Западной Австралией, Южной Австралией (которую спас от тяжелого кризиса), Капской колонией, Новой Зеландией, где надвигалась разруха и где он победил и усмирил доблестных *маори*. В ходе этой бурной карьеры он придал этой науке своего рода универсальный импульс. Во время своей первой экспедиции он сам собрал австралийские документы, которые опубликовал во втором томе своих «Дневников двух экспедиций» и в своем «Словаре». Там он сделал открытие первостепенной важности — открытие тотемизма в Австралии. Опережая Мак-Леннана и Фрэзера, он сблизил (это сравнение стало классическим) то, что Лонг и Галлатин говорили об алгонкинском тотеме, и то, что он сам констатировал относительно культа животного-эпонима, *kobong*, в племени Перта. В Южной Австралии с 1842 по 1844 год он организовал сбор и публикацию монографий Мурхауса, Тей-

хельмана, Шюрманна о племенах Аделаиды, залива Энкау-
нтер, Порт-Линкольна (словари, грамматики, социологиче-
ские описания). В Капской колонии он собирал документы
(до сих пор частично неопубликованные), которые опублико-
вал или редактировал Блик и которые касаются *готтенто*
тов, бушменов, кафров. Эти работы заложили основы аф-
риканской лингвистики и фольклора. В Новой Зеландии он
прославился точным и художественным собранием истори-
ческих и мифических традиций *маори*. Публикация *Konga*
Moteatea, часть которой переведена в литературном шедев-
ре *Polynesian Mythology*, делает Грея одним из основателей
филологии и истории малайско-полинезийских цивилиза-
ций. Он был в числе активных основателей Новозеландского
института, где объединились светские лица и англиканские
миссионеры. Именно этому обществу и сплотившимся во-
круг него ученым мы обязаны публикацией работ (тогда еще
наполовину готовых), таких как словарь Уильямса, а затем
длинной серии исторических и филологических наблюдений
и сборников Уайта, Перси, Беста, Трегира, опубликованных
в пятидесяти томах *Transactions of the New Zealand Institute*
и двадцати томах *Journal of the Polynesian Society*.

Мы привлекли внимание к Грею, поскольку его жизнь по-
казывает, что может сделать один человек в этой области,
несмотря на колоссальное бремя административных забот
и исследований. Работа этнографа, как и работа в других
науках, основанных на наблюдении, в высшей степени бла-

годарна. Нужно и достаточно иметь вкус к исследованиям, знание основных фактов и главных классификаций, знание языка (хотя бы эмпирическое); нужно и достаточно встретить аборигенов, которые сами владеют сокровищницей традиций своего племени, и заслужить их доверие. Тогда они передадут вам те своеобразные устные архивы, без которых не может обойтись ни одно племя, как бы низко оно ни стояло на человеческой лестнице. Ибо именно в них запечатлены предписания и идеи, осознание и соблюдение которых формируют самосознание племени и обеспечивают социальную сплоченность.

Вклад Англии в историю этнографии весьма значителен. Англичане, если не само Соединенное Королевство и Министерство колоний, выполнили свой долг, и превзойти их могло лишь величие самой задачи. Везде, где они основывали колонии, находился по крайней мере один умный администратор, какой-нибудь усердный миссионер, какой-нибудь колонист, путешественник или ученый, чтобы собирать, наблюдать, публиковать: в Индии восхитительная «Этнология Бенгалии» Далтона датируется полувеком назад, и эта традиция блестяще продолжается. В Гвиане это Бретт и Терн; в Канадском доминионе — Спроат и Доусон³. В Африке это Эллис у нигритян, Кэлэуэй у зулусов и т.д.; в Полинезии — Уильямс, Файсон, Тернер; в Меланезии — Кодрингтон

³ Доусон, как и Пауэлл, о котором речь пойдет ниже, был выдающимся геологом.

и Чалмерс; на Борнео — Сент-Джон; на Андаманских островах — Мэн; труды этих ученых навсегда останутся гордостью английской науки. Неслучайно вплоть до последних десятилетий XIX века этнографическая литература почти целиком создавалась на английском языке, а самый значительный вклад после самих англичан внесли североамериканцы.

В то же самое время, когда этнография развивалась в Англии, она формировалась и в Соединенных Штатах. И там она не осталась на уровне индивидуальных традиций. Она сразу же обзавелась постоянными и регулярными органами, своими учреждениями. Ученые, объединенные в научные общества или государственные учреждения, сделали это своей задачей или профессией. Они создали технику, методы, собрали документы, коллекции, архивы и опубликовали их в сериях, до сих пор не имеющих себе равных.

В ранние времена колонизации в XVIII веке путешествия Лонга, Бартрама и других (включая французских путешественников) пробудили у колонистов стремление познать американского индейца. Но вплоть до 1820-х годов преобладал эмпиризм. У моравских братьев, англо-немецкой миссии в Гернгуте (которую можно встретить во всех точках земного шара — ревностных наблюдателей и добросовестных филологов), был тогда среди *делаваров* миссионер Хекевельдер. Участвуя в крупном исследовании языков Америки, организованном во Франции, он сумел разглядеть единство алгонкинских языков и цивилизации. Это было капи-

тальное открытие. Оно дало американской этнографии базу и цель. Отныне наука основывалась на наблюдении, а не на библейской гипотезе о потерянных коленах или детях Хама и Иафета. Была указана задача и средства ее решения: посредством лингвистики и социологического сравнения выстроить семьи американских народов, прежде чем пытаться писать их историю. Исследования Хекевельдера были продолжены. Галлатин в Нью-Йоркском историческом обществе и Американском антикварном обществе, Скулкрафт в рамках федерального правительства разгребли — один с талантом и точностью, другой с пылом и своеобразным сумбурным гением — массу фактов и проблем. Затем Хейл, этнограф, исследовавший вместе с *United States Pacific Expedition* (экспедиция Уилкса) полинезийскую и американскую часть Тихого океана, на протяжении почти сорока лет, вплоть до 1890 года, оказывал свое мудрое и осмотрительное влияние — влияние лингвиста, этнолога и социолога *avant la lettre*. Таким образом, исследования встали на суровый, медленный, но верный и успешный путь науки. Отчасти именно благодаря импульсу Хейла этнография в Америке связала свои судьбы со Смитсоновским институтом и Национальным музеем США.

Смитсоновский институт — это частный фонд с почти столетней историей, вокруг которого в силу вещей сгруппировалось в федеральной столице множество федеральных

институтов и учреждений, так что от Джеймса Смитсона⁴ осталось в основном лишь имя и дух. «Отчеты», которые Институт рассылает с 1846 года множеству ученых на обоих континентах и в публичные библиотеки по всему миру, сразу же открыли свои страницы не только для этнографии Америки, но и других стран. Институт сразу же стал субсидировать первые исследования и публикации. Национальный музей немедленно предоставил убежище первым коллекциям: тем, что собрал Хейл, тем, что сформировал Скуайер в Мексике и Гватемале, и тем, что были получены в результате раскопок больших курганов (*mounds*), разбросанных на столь обширной территории на востоке США. Наконец, *Smithsonian Contributions to Knowledge* (Вклады Смитсоновского института в познание) стали одним из самых важных сборников исследований и компиляций.

Здесь появляется сугубо американская личность ученого, один из тех «репрезентативных людей», о которых говорит Эмерсон — Морган. Он происходил из очень старинного американского рода. Его мать вела свою родословную от отцов-пилигримов с «Мейфлауэра», основателей Новой Англии. В ходе любопытных переговоров, начатых им с целью распространения масонства среди *ирокезов*, он вступил в близкую дружбу с одним из членов нации *сенека* (одной

⁴ Джеймс Смитсон умер в Генуе в 1829 году, завещав свое состояние федеральному правительству для основания Института, предназначенного для «распространения знаний среди людей». Издания Смитсоновского института несут в качестве эмблемы факел и девиз: «Распространение знаний среди людей».

из пяти наций). Этот ирокез, Паркер, человек недюжинного ума, раскрыл ему тайны своего племени. Он подарил ему ощущение фактов, мимо которых проходили те, кто занимался изучением индейцев. Морган продолжал эти исследования почти сорок лет; ему суждено было оставить глубокий след.

В 1855 году он публикует свою «Лигу ирокезов». В 1860 году он начинает работу над формами родства в различных американских обществах, а Смитсоновский институт и Американская ассоциация содействия развитию науки начинают распространять его анкеты и инструкции. В 1861 году он закладывает основы этнологической карты Америки. В 1871 году «Вкладам в познание» выпадает честь опубликовать его первую обобщающую работу о первобытных формах родства⁵. Эта книга обновила все, что было известно тогда о происхождении семьи; в то же время она дала метод для изучения этих вопросов: регистрация и сравнение номенклатур родства; наконец, она изложила одну из тех направляющих гипотез — о групповом родстве и групповом браке, — которые, даже будучи ошибочными, служат науке в качестве рабочих принципов. Морган и Тайлор (чья «Первобытная культура» появилась в то же время, что и «Системы родства»), благодаря этнографическим документам, ввели социологию в русло естественных наук. Они сделали для этой науки то же, что сделал Лайель, когда заменил в геоло-

⁵ Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family.

гии гипотезу катастроф гипотезой «современных причин» и непрерывности геологических эпох. В 1871 году в «Древнем обществе» Морган дал новый обзор своих трудов и еще больше обобщил их; ибо по мере продвижения вперед открытия, которые он инициировал в Австралии, на Фиджи, в дравидийской Индии, убеждали его в ценности его гипотез. Тем не менее, он всегда оставался в контакте с этнографическими фактами, чей необычный облик и природа властно завладели его размышлениями. Не только «Системы родства», но и «Древнее общество» содержат важнейшие описания, которые до сих пор считаются одними из лучших источников по американской этнографии⁶. Помимо идей, которые он распространил, он создал по всей Америке целую систему переписки, анкет, реестров, ответов. И он никогда не отказывался от полевой работы. Одной из его последних книг является описание жилища и домашней жизни *ирокезов*⁷.

Однако оставалась неисследованной огромная территория. Открывался Дальний Запад. Кэтлин, его картины и книги, принц Вид, романтическая литература популяризировали индейцев Прерий. Их нужно было описать. За это взялся майор Пауэлл. До Гражданской войны Пауэлл был инженером в топографической службе; во время войны он служил в инженерных войсках и был одним из самых славных солдат

⁶ Следует прочесть в *Popular Science Monthly* за 1880 год похвальное слово Пауэлла в адрес трудов Морган.

⁷ House and House-Life of the American Aborigines.

армии северян. Он потерял руку на поле боя. Еще до войны он оказал выдающиеся услуги в исследовании Дальнего Запада. В 1867 году, возобновив свои географические разведки, он вступил в переписку с Морганом и с крупными научными учреждениями Америки. Вскоре после этого он был назначен директором федеральной Геологической службы. Именно в этом качестве он совершил свои прекрасные экспедиции в Колорадо и Аризону и, с очень небольшой экспедицией, продолжая работу геолога, вступил в контакт с удивительными популяциями *пуэбло*. Пуэбло — это своего рода большие укрепленные деревни на вершинах длинных террас высокогорья, населенные племенами, зачастую весьма многочисленными. Эти племена были довольно давно известны через мексиканских и испанских авантюристов. Но ни один человек еще не пытался проникнуть в их нравы. Пауэлл смог их усмирить, использовать как опорный пункт против *апачей* и *команчей*. Он завоевал у них авторитет благодаря своему влиянию, знанию их языка и ментальности, а также доверию, которое он внушал. Ему удалось совместить политическую деятельность с работой географа, геолога, археолога и этнографа. Эти успехи и его склонности все больше привлекали его к этнографическим и социологическим исследованиям. В 1864 году он добился создания при Геологической службе этнографического отдела, который долгое время издавал *Contributions to North American Ethnology*. В 1876 году актом Конгресса он добился создания при Смитсоновском инсти-

туте знаменитого Бюро американской этнологии — независимой службы, независимой даже от Национального музея, куда он тем не менее передавал свои коллекции. Пауэлл стал первым директором этого нового учреждения и в конце концов посвятил себя ему целиком.

С этого момента начинается современный этап организации этнографической работы, где доля Бюро американской этнологии столь велика. Мы еще вернемся к его функционированию. Пока же мы хотели лишь обрисовать его историю.

Этнография развивалась медленнее за пределами англоязычных стран. Наука на Старом Континенте более консервативна, чем в Новом Свете или даже в Великобритании. Социология во Франции еще прозябала в тени позитивизма, а социальная философия в Германии еще плелась по путям диалектики, когда Вайц, ученик Гегеля, и Герланд, географ, продолжая традицию Гумбольдта, опубликовали два последовательных издания *Anthropologie der Naturvölker*, которые надолго заложили прочную основу для исследований и популяризации. Но все это, как и вся последующая работа по этнологии, всеобщей истории цивилизации, сравнительному правоведению первобытных народов — было кабинетной работой.

Именно Адольфу Бастиану (умершему в возрасте 75 лет в 1905 году на Тринидаде во время раскопок) принадлежит честь создания и руководства главным этнографиче-

ским движением в Германии.

Бастиан был врачом; еще во времена Второй империи он начал зарабатывать на нелегкую жизнь на кораблях, курсировавших на Восток и Дальний Восток. Однако уже тогда он готовился к карьере этнографа. На те скромные средства, которые он скопил и которые ему доверили, он сумел провести масштабное исследование населения Индокитая и долины Брахмапутры. В это же время, во время одного из своих недолгих визитов в Германию, он написал свой первый крупный обобщающий труд⁸, современник великих работ Тайлора, Моргана, Вайца. Одаренный, к тому же, безграничной (если не сказать — неточной) памятью, феноменальной литературной плодовитостью, которая компенсировалась отсутствием всякой интеллектуальной сдержанности и стиля, он оставил поистине колоссальное наследие. Но его философия, его книжная продукция были для него лишь времяпрепровождением. Именно во все уголки мира он несет свое безграничное любопытство, неиссякаемую, почти безумную энергию коллекционера. Этот человек в зрелом возрасте, в старости, имея за плечами долгое прошлое исследователя, совершил экспедиции в Лоанго, Нигритию, на Тихий океан, дважды на Антильские острова. В перерывах он основал и вдохнул жизнь в одно из важнейших этнологических обществ Германии — Берлинское. Ему удалось добиться создания в Королевских музеях Пруссии Этнографического

⁸ Der Mensch in der Geschichte [Человек в истории].

музея. Он стал его первым директором и сразу же вывел его в первые ряды. Но, что неоценимо, он был прежде всего вдохновителем людей. Именно он превратил в этнографов безвестных путешественников вроде братьев Краузе и капитана Якобсена на американском побережье Тихого океана, бедных торговцев вроде Кубары на Палау и в Микронезии, чьи исследования по праву и религии он опубликовал очень рано. Именно он привлек к этнографии любителей, которые одновременно стали учеными, таких как Бесслер и Йост; именно он пробудил призвание у бесчисленного множества молодых университетских ученых, натуралистов и независимых молодых исследователей. Фон ден Штейнен, исследователь центральной Бразилии, рассказывал, как встреча с Бастианом на Гавайях решила его карьеру. Вокруг Берлинского музея и Бастиана сплотилась плеяда ученых (сегодня в Германии она многочисленна как никогда), которая наполнила музеи, покрыла континенты своими миссиями, собрала путем лихорадочной, иногда слишком поспешной работы огромные коллекции, затем с научным терпением систематизировала их в десятках крупных музеев и, наконец, опубликовала в образцовых сборниках. Бастиан был одним из лучших сеятелей уже дающего великолепные всходы урожая.

Было бы несправедливо, если бы в этом, по необходимости кратком и анекдотическом, обзоре истории этнографии

за последний век мы не уделили места Голландии. Правда, голландские работы мало известны даже тем ученым, которым следовало бы ценить их больше всего: язык, на котором они написаны, делает их недоступными для многих, и мы еще не извлекли из них всей пользы, которую могли бы. Голландская Ост-Индия представляла и представляет собой восхитительное поле для этнографических наблюдений; недостатка в доброй воле не было. Протестантские миссионеры Роттердамского общества, администраторы, колониальные топографы, натуралисты, географы и, наконец, специалисты из метрополии внесли полезный вклад в развитие этнографических знаний. Знаменитое Батавское общество⁹, которому сейчас более ста лет, заслужило признание не только в геологии, зоологии и ботанике: оно может гордиться своими заслугами перед этнографией. Журнал лингвистики и этнографии *Tijdschrift voor Indische Taalen Volkenkunde* насчитывает уже свой шестидесятый том, а протоколы (*Notulen*), которые Общество публикует с момента своего основания, содержат, начиная с первых томов, ценнейшие документы. Хотя сами Нидерланды не сразу оказали этой науке тот прием, которого она заслуживала, их Академия наук, а затем и университеты проявили к ней гостеприимство. И не следует забывать, что Королевский институт Нидерландской Индии публикует уже пятьдесят лет свои «Материалы к познанию стран, языков и народов Нидер-

⁹ Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen.

ландской Индии»¹⁰. Музеи Батавии, а затем Национальный музей Лейдена относятся к числу старейших и лучших этнографических музеев; а труды Маттеса, Якобса, Ван дер Тука, ван Хасселта, Графланда о *бадуй*, *батаках*, даяках и др., заложили прочный фундамент не только для лингвистики или этнографии малайско-полинезийских народов, но и для администрации и колонизации. Энциклопедии Вета, которые постоянно обновляются, сыграли для Нидерландской Индии ту же роль, что и знаменитые «газетиры» британского индийского правительства в передаче сведений, необходимых для хорошего управления, на протяжении всей истории Английской империи в Индии.

Добавим, что это исследовательское движение подготовило одну из серий работ, которая сделала наибольшую честь Голландии и голландской науке. Мы имеем в виду открытия Керна в области полинезийских и меланезийских языков¹¹, а также исследования ученого, который был одновременно первоклассным этнографом и социологом — Вилькена, умершего в 1892 году, едва перешагнув пятидесятилетний рубеж.

¹⁰ Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië.

¹¹ Керн — почетный профессор Лейденского университета; он также известный санскритолог, прекрасной «Историей буддизма» которого пользуется французская публика. Его исследования фиджийского языка, опубликованные в отчетах Амстердамской академии наук, до сих пор остаются фундаментальными. Они проложили путь к классификации языков и народов Тихого и Индийского океанов, от Гавайев до Мадагаскара и от Филиппин до Новой Зеландии.

На фоне работы, проделанной в XIX веке Англией, Со-
единенными Штатами, Германией и даже Голландией, Фран-
ция выглядит бедно и бледно. Почему мы пренебрегли нау-
кой, которая когда-то была в почете? Почему произошла эта
остановка? Почему такое воздержание?

Можно усмотреть несколько причин этого явления. Ста-
рые французские труды касались прежде всего Новой Фран-
ции, Луизианы, владений в Карибском море и Мексиканском
заливе. Мы потеряли эти колонии после Наполеона I. Не
имея больше аборигенов под своим управлением, мы боль-
ше не пытались их изучать. Государство и наука во Фран-
ции всегда управлялись более утилитарно, чем принято счи-
тать. С другой стороны, значительная часть старых француз-
ских трудов — это дело рук миссионеров, в частности, отцов
Общества Иисуса. Но еще в XVIII веке Святой Престол от-
странил их, заменив миссионерами бесконечно менее про-
свещенными и умными. Французские миссии до сих пор не
оправились от ударов, нанесенных им папством, и от разру-
хи, причиненной Революцией. Но это лишь частное объяс-
нение, а не общая причина. У Германии долгое время не бы-
ло колоний, но она находится среди наций, сделавших боль-
ше всего для этнографии; даже сегодня Швеция, страна, да-
лекая от всяких колониальных идей, имеет не менее трех эт-
нографических экспедиций в пути.

Вернее было бы винить упадок духа авантюризма в на-

шей стране: вплоть до Третьей республики у нас почти не поощрялись ни исследования, ни длительные экспедиции, которые являются условием интенсивной этнографической работы. А со времени восстановления нашей колониальной империи нельзя сказать, чтобы государство или частные лица прилагали большие усилия для обеспечения ее научного описания. Те усилия, на которые мы оказались способны, были направлены главным образом на Северную Африку. Публика же в литературе о путешествиях интересовалась лишь анекдотами и романтикой.

Однако и этих причин было бы недостаточно, чтобы остановить всякое движение, если бы был реальный импульс со стороны самих ученых. Но именно с этой стороны проявились самые тяжелые силы инерции. Университет, который вплоть до последних дней Империи игнорировал все, что не относилось к классической и схоластической науке, не проявил никакой инициативы. Наконец, своего рода всеобщая оппозиция — социальная, упрямая, реакционная — на протяжении первых трех четвертей XIX века противостояла прогрессу науки о человеке: этнография как вспомогательная дисциплина антропологии все еще была отодвинута, как и ее хозяйка-наука, на обочину французского научного движения.

Тем не менее, в отношении этой науки Франция, великая научная и колониальная держава, имела двойной долг в силу этого своего двоякого статуса: во-первых, она должна

была приступить — самостоятельно или по крайней мере с минимальной иностранной помощью — к этнографическому исследованию народов своих собственных колоний; во-вторых, она не должна была ограничивать этим свои амбиции, но обязана была участвовать в этнографическом исследовании низших народов остального мира. Посмотрим, как она справилась с возложенной на нее двойной задачей.

Прежде всего, что мы знаем о так называемых первобытных народах нашей колониальной империи? Речь, конечно, не идет о великих цивилизованных нациях — индокитайских, арабских или берберских — наших африканских или азиатских владений. Проведем инвентаризацию. Сделаем обзор наших колоний, упомянем опубликованные труды (а то и рукописи), собранные коллекции, проведенные экспедиции.

В Америке мы владеем одной из Гвиан с XVI века, и там живут важные индейские племена. Так вот, старые книги Лери и Рошфора рассказывают нам об этих расах (карибах) больше, чем все труды, опубликованные в XIX веке. Крево и Кудро, жившие среди них, были прежде всего отважными, героическими исследователями, но слишком торопливыми и плохо экипированными, чтобы составить хорошее описание. Мы не можем упомянуть ни одной недавней экспедиции, ни одной хорошей экспозиции в известных нам музеях.

В Африке мы очень давно обосновались в Сенегале и Гамбии. Здесь у нас есть труды Федерба, которые так и остались

непревзойденными; есть мешанина из поспешных наблюдений, превосходных данных и невероятных гипотез — книга Беранже-Феро, врача флота, впрочем, весьма выдающегося. С тех пор появилась колониальная литература, столь же обильная, сколь и эфемерная, чья библиография столь же длинна, сколь и бедна содержанием. В Кот-д'Ивуаре рассказы Бинжера, знаменитого основателя колонии, изобилуют фактами, но не содержат ни одного систематического наблюдения. Именно Клозель (тогда вице-губернатор) и судья Вилламюр положили начало исследованиям своими «Туземными обычаями Кот-д'Ивуара» — книгой, чья порой наивная редакция не умаляет ее ценности¹². О Дагомее есть несколько старых французских книг, написанных в основном миссионерами; но это популярные книги, далеко не дотягивающие до английских книг того же времени. Совсем недавно труды Делафосса и Эриссе восполнили некоторые пробелы. Но предстоит сделать еще очень многое, чтобы достичь такого же знания народов расы *эве*, живущих на французской территории, какое имеют немцы или англичане о народах той же расы, населяющих Того или Золотой Берег. В Судане Делафосс под эгидой губернатора Клозеля и Генерал-губернаторства Французской Африки составил общую картину суданского населения. Делафосс, ныне читающий курс в Школе живых восточных языков, впрочем, внес огромный

¹² Эта книга распродана, ее невозможно найти. Хотя бы с административной точки зрения следовало бы предусмотреть ее переработку и переиздание.

вклад в наше информирование о лингвистических проблемах Судана. Но из самого чтения этих трудов следует, что все еще предстоит сделать. Напротив множества племен и наций мы можем поставить лишь очень небольшое количество оригинальных работ. Безусловно, наши офицеры — лейтенант Марк у *моси*, лейтенант Десплань у *хабе* (*догонов*), среди прочих, проделали хорошую или даже пионерскую работу. Но мы далеки от знания даже необходимого.

А ведь возьмем, к примеру, такую же интересную, сколь и неудачно написанную книгу об одном из этих народов: книгу аббата Анри о *бамбара*, изданную в международной серии *Anthropos Bibliothek*. Мы сразу почувствуем, как много предстоит узнать обо всех обществах, и даже о таком плохо определенном и выродившемся обществе, как то, которому дают имя *бамбара*. Новых, неожиданных фактов предостаточно. И, отталкиваясь от наблюдений такого рода, можно задуматься о том, какой интерес представляло бы для наших администраторов знание всех этих фактов, которые они игнорируют. Долго ли еще для создания хорошего управления мы будем довольствоваться рассказами сенегальских стрелков или переводчиков? Разве не следует наблюдать эти тайные общества, эти «возрастные классы», эти корпорации жрецов и магов, бардов и прорицателей, которыми кишат все эти большие и малые негритянские племена и с которыми нам пришлось столкнуться в недавних инцидентах в Бандиагаре? Даже из чисто литературного любопытства бы-

ло бы неплохо проникнуть в душу этих людей. Легенды, которые Дюпюи-Якуба привозит нам из Гао, — одни из самых прекрасных. И достаточно прочесть сборник сказок или «негритянских бесед», подобных тем, что были опубликованы на английском или немецком языках, чтобы увидеть, что в этих странах есть своя мудрость, дух, искусство рассказчика, даже поэзия, которую не следует терять и которую мы должны собрать¹³.

Что касается Французского Конго, то мы не можем полагаться на старые путевые заметки (как у Дутевиля), записки миссионеров, разрозненные статьи офицеров. Если говорить об обобщающих работах, мы видим разве что труд монсеньора Ле Руа (и нельзя сказать, что он достаточен) и труд доктора Кюро (который представляет собой скорее предварительный набросок). Главные документы до сих пор принадлежат англичанам: мисс Кингсли, миссионеру Нассау, Деннетту. Лишь совсем недавно можно назвать первые монографии: статьи доктора Декорса, прекрасные соматологические исследования пигмеев доктора Путрена (проведенные, по крайней мере, на живых людях). Есть еще работы Триье о *фанг (пахуэнах)*, которые сейчас готовятся к публикации. Нельзя, однако, обвинить французскую публику в равно-

¹³ Фробениус, немецкий ученый, побывавший в Каесе, начал публиковать целую литературу, которую, по его словам, он обнаружил в округе Сегу. До сих пор он ограничивался изданием эротических текстов. Но если мы и позволяем себе сомневаться в ценности документов Фробениуса, мы ни на мгновение не сомневаемся в существовании у народов семьи мандинго значительной литературы.

душии к этой теме: количество иллюстрированных статей, опубликованных в крупных периодических изданиях, таких как *Le Tour du Monde* или *La Dépêche coloniale*, значительно. Но этнографическое исследование Экваториальной Африки продвинулось не больше, чем остальные научные исследования в этом регионе.

Привезли ли мы из этого огромного африканского владения коллекции, которые еще несколько лет назад можно было собрать за бесценок и которые еще можно кое-где формировать, пока не поздно? Единственное известное нам африканское собрание во Франции, и, несомненно, самое богатое, находится в музее Трокадеро в Париже. Там, в устаревшем виде паноптикумов или навалом в темных витринах, выставлены весьма красивые предметы времен великих экспедиций последних двадцати лет прошлого века (Дибовски, Крампель и др.). Из Дагомеи и Судана, а также из Кот-д'Ивуара можно найти большое количество любопытных экспонатов; но все это производит впечатление случайности, руководившей сбором образцов, беспорядка, царившего в экспедициях, расплывчатости инструкций, данных собирателям, и, наконец, научной недостаточности принятой классификации.

Перейдем к Мадагаскару, этой очень старой и в то же время очень новой колонии: очень старой, поскольку наши поселения там датируются XVII веком; очень новой, поскольку лишь после 1894 года мы задумали ее завоевать и исследо-

вать. Самый старый из французских трудов — не самый плохой: Де Флакур оставил нам бесценное описание вещей и людей Великого Острова Мадагаскар. Последующие французы справились не лучше него. К середине XIX века можно найти труды Лагевеля и Лакомба, которые дали первые сведения о племенах севера острова; затем, перед завоеванием, уполномоченных по научным миссиям — доктора Ката, Дулио; и, наконец, отцов-иезуитов, которые возобновили на Мадагаскаре свои великие традиции лингвистов и этнографов: Абиналя, Весьера, Кальве и др.¹⁴ Ближе к нашему времени это первые чиновники резиденции (Жюли, Габриэль Ферран — последний посвятил себя больше историческим и лингвистическим исследованиям), и, наконец, множество офицеров, сотрудничавших в *Notes de reconnaissances* («Заметках о рекогносцировках»), серия которых была, к сожалению, прервана. Мы не знаем, будет ли «Этнография Мадагаскара» Грандидье включать в себя общее персональное исследование, проведенное на месте. Это труд нескольких че-

¹⁴ В связи с этим можно рассказать анекдот, который показывает, почему не следует поручать исключительно религиозным деятелям фиксацию этнографических фактов, особенно фактов религиозных. Отцы-иезуиты Антананариву предприняли весьма интересную попытку записать традиции *хова* и, в частности, королевской семьи (*Tantara ny Andriana*). Издание было осуществлено. Оно имело такой успех, особенно в Антананариву, что добрые Отцы испугались, как бы они не дали пищу для суеверий, пустив в оборот столько легенд и мифов. Они начали охоту за вышедшими экземплярами и уничтожили их вместе с теми, что еще оставались у них. В Национальной библиотеке нет ни одного. И этот важнейший документ можно считать утраченным.

ловеческих жизней. Но мы знаем, что вся французская продукция по Мадагаскару пока не эквивалентна ни по количеству, ни по качеству работе, проделанной английскими миссиями с 1820 по 1895 год, общим описаниям Эллиса, Сибири и особенно этому несравненному источнику — *Antananarivo Annual* (Ежегодник Антананариву), большинство выпусков которого, ставших библиографической редкостью, заслуживают перевода.

В Тихом океане у нас есть старые колонии. Некоторые из них датируются экспедицией Маршана, другие — Дюмон-Дюрвиля. Оккупация Новой Каледонии восходит к временам Луи-Филиппа, как и оккупация Таити; вот уже семьдесят лет у нас есть чиновники (если не колонисты) в этих колониях; вот уже шестьдесят лет французские католические миссии ведут евангелизацию в Тихом океане. И мы почти ничего не сделали для изучения народов, которые наша оккупация истребила, обескровила, разложила, уничтожила. На Маркизских островах доктор Тотен вовремя провел несколько наблюдений и собрал приличную коллекцию, прежде чем туберкулез и болезни, занесенные китобоями, довели эту прекрасную расу рыбаков до того состояния, в котором ее застала два года назад немецкая тихоокеанская экспедиция. По Таити у нас есть грамматика Госсена, также флотского врача, и важные рукописи того же автора. По Футуне у нас есть работы маристов — достаточное начало для лингвистического исследования.

Но что с Новой Каледонией? На этом большом острове живут остатки многочисленных племен; некоторые из них еще наполовину неизвестны. По признанию всех этнографов, всех антропологов, Новая Каледония — идеальное поле для наблюдателя. Быть может, именно там найдется ключ ко многим проблемам доисторической археологии, истории языков и меланезийских цивилизаций. В любом случае, именно там находятся самые важные данные для решения проблемы лингвистики восточной Меланезии. Наконец, для социолога *канаки*, как их неправильно называют, представляют собой, несомненно, институты, представляющие огромный интерес: например, именно у них, без сомнения, встречаются самые строгие табу, религиозные запреты между полами, в частности между братьями и сестрами. На все эти многочисленные и насущные вопросы, которые задаст нам наука, мы, как видим, ответили? Почти ничего. У нас есть несколько скудных словарей миссионеров, редкие статьи, главы из книг о путешествиях или записок колонистов; ничего систематического, кроме книги, которую написал на склоне лет добрый старый миссионер, отец Ламбер, и которую он озаглавил (одно название говорит о том, как далек он от забот современной науки) «Нравы и обычаи новокаледонских дикарей». Безусловно, столь наивно воспроизведенные документы могут показаться в чьих-то глазах более ценными, чем описания, слишком подверженные влиянию модных теорий. Но чтобы уловить реальность столь сложную и столь

чуждую нашему разуму, одной доброй воли недостаточно: номенклатуры родства; хитросплетения вождеств, братств, кланов и локальных групп; сложные системы мифов и культов — все это трудно вообразить даже тому, кто годами жил бы бок о бок с ними, но сохранил бы европейскую ментальность, и тем более наблюдателю, сохраняющему конфессиональную установку. Но идем дальше.

По крайней мере, у нас есть прекрасные коллекции из Новой Каледонии в музеях Трокадеро, Тулузы и других. Важные произведения каменной индустрии этих племен к счастью привлекли внимание французов, которые привезли эти серии; кроме того, они представляют огромный интерес как сравнительные образцы с продуктами неолитической индустрии доисторических времен в Европе: этим и объясняется относительная ценность этих коллекций. Однако они оставляют множество вопросов без ответов, особенно вопросов происхождения и интерпретации (в частности, это касается знаменитых «табу» — скульптурных знаков вождеских хижин, предметов, само название которых нам кажется сомнительным). Но даже в таком виде, зная, какая торговля ведется этими образцами исчезнувшей цивилизации, они поистине драгоценны и нуждаются лишь в классификации. С соматологической точки зрения новокаледонцы также довольно хорошо изучены. Лаборатория Музея естественной истории, в частности Катрфаж и Ами, посвятили им некоторые из своих лучших работ. Все это лишь острее дает почувство-

вать наше невежество в том, что касается внутренней жизни этих популяций, чья техника и антропология говорят нам, что они относятся к числу самых интересных для изучения.

На Новых Гебридах, которыми мы владеем совместно с Англией (кондоминиум), наши офицеры собрали кое-какие безделушки; старые, но интересные статьи доктора Хагена позволяют нам хоть как-то выглядеть достойно; но именно англичанам (Инглису, Макдональду и особенно Кодрингтону, одному из лучших этнографов того времени) мы обязаны социологическим знанием этих замечательных популяций.

В Индокитае мы также управляем так называемыми дикарями. Миссия Контума, основанная католическими миссионерами в разгар гонений в самом центре аннамского хребта, дала знать об их существовании; но из различных документов, которые она наверняка собрала, она опубликовала лишь небольшую, хотя и интересную книжку отца Дурисбура о бахнарах. Миссия Пави, в частности капитан Кюпе, нанесла на карту большинство этих племен. На этом мы почти остановились. Большинство племен — *мой* (как их называют аннамиты), *кха* (как их называют лаосцы), *стиенги* (как их называют камбоджийцы) — настолько плохо известны, что мы не знаем даже, как они называют сами себя. Однако это не значит, что у них нет институтов и ремесел, которые было бы полезно изучить. Например, у *джараи* на плато Дарлак есть два вождя *садет* (Короли Воды и Огня), которым Фрэзер уделяет столько внимания в последнем изда-

нии своей замечательной «Золотой ветви». Недавно в Археологический комитет Индокитая была представлена замечательная скульптура *седангов* чисто полинезийского типа. Валле, исследователь, сообщил об очень важных формах домашней организации у *раде*. Но наше любопытство, хотя и пробуждено, не удовлетворено. Последняя работа отца Кемлина о некоторых обрядах *ронгао*, опубликованная в «Бюллетене Французской школы Дальнего Востока», позволяет надеяться, что при помощи миссий и гражданских администраторов довольно быстро можно будет провести исследование, богатое результатами. Офицеры, которые почти двадцать лет управляли военными территориями Верхнего Тонкина, уже начали описание основных варварских популяций на границе с Китаем. В частности, хорошую работу проделали подполковник Люне де ла Жонкьер и подполковник Бонифаси; Французская школа Дальнего Востока сплотила вокруг себя несколько энтузиастов, но успех еще не увенчал ее усилия. Сами коллекции — в Париже или, как нам говорят, в Ханое — далеки от того, чтобы дать представление об относительно высокой цивилизации этих многочисленных, разнообразных и рассеянных на огромной территории народов. Лингвистическое изучение также едва начато. В отношении целой семьи народов, несомненно являющихся наследниками многих рас и цивилизаций, Франция как держава-покровительница почти ничего не сделала для создания обоснованного описания.

Наш обзор этнографии французских колоний завершен. Можно сказать, что не составлен даже «топографический» перечень популяций, которыми мы управляем, часто как абсолютные хозяева. Поле не расчищено, оно даже не размечено.

Унизительно, но мы увидели, что даже в случае с Мадагаскаром и Новыми Гебридами за лучшими сведениями приходится обращаться к английским трудам. И это еще не все. Иностранные экспедиции начинают (если не наблюдать, то формировать коллекции) там, где нашим прямым интересом и долгом было бы быть если не единственными, то хотя бы первыми. Наши колонии изборождены иностранными этнографическими экспедициями. Мы не упрекаем наше правительство в гостеприимстве по отношению к науке, не знающей границ. Мы не станем порицать наши колониальные администрации за великодушие к уважаемым ученым или даже за роскошную щедрость, проявленную правительством Французской Экваториальной Африки при достойном приеме герцога Мекленбургского. Но мы не можем хотя бы вкратце не перечислить некоторые из экспедиций — исключительно или частично этнографических — прибывших из-за рубежа и посетивших колонии нашей страны.

В Тихом океане побывали по крайней мере две миссии: гамбургская¹⁵, собравшая последние прекрасные коллекционные образцы на Маркизских островах, Туамоту и в ар-

¹⁵ Wissenschaftliche Stiftung.

хипелаге Таити; и миссия братьев Сарразенов из Базеля, проделавшая ту же работу в Новой Каледонии. В Судане и Французской Западной Африке мы видели коллекционеров Венского музея и Берлинского музея (*Deutsche Inner-Afrika Forschungsexpedition*), возглавляемую Фробениусом и состоявшую из трех этнографов. В Экваториальной Африке Тесманн собирал коллекции для Гамбурга во всем регионе, который ранее составлял границу между Камеруном и французским Габоном и который стал немецким после договора 1912 года; герцог Адольф Фридрих Мекленбургский пересек Среднее Конго в нескольких направлениях и не исследовал Вадаи лишь из-за политической напряженности там (сам он выдающийся этнограф, и в состав его экспедиции входил специалист Чекановский; результаты его путешествия готовятся к публикации; привезенные им коллекции обогащают этнографические музеи Гамбурга и Франкфурта). Старр, профессор из Чикаго, вернулся уже во второй раз во Французское Конго; он уже накопил ценные экспонаты для *Field Columbian Museum*. Немцы, швейцарцы и американцы берут на себя работу, которая является нашей обязанностью, и забирают себе материальную и, что более важно, моральную выгоду.

Таково состояние (которое, мы полагаем, описано не слишком мрачными красками) французской этнографии во французских колониях¹⁶.

¹⁶ Разумеется, мы говорим лишь об исследованиях, проводимых «в поле», и

Но проявляет ли Франция то любопытство, которое ученые других стран приносят в изучение проблем этнографии в наших собственных заморских владениях, когда речь идет о проблемах общей или специальной этнографии, в которых она менее непосредственно заинтересована? В крайнем случае можно было бы понять, если бы некоторые усилия были направлены на решение обширных проблем истории человеческого рода и его цивилизаций, даже без должного внимания к более узким вопросам: французская наука, если не управление учеными корпорациями, иногда проявляла такое высокое и законное пренебрежение случайностями. Но если натуралисты, географы, геодезисты часто находили эффективную поддержку и если в работе по описанию земного шара французы занимают почетное место, то в том, что касается социальной истории человека, дело обстоит иначе. Антропология (по крайней мере, соматологическое описание) и доисторическая антропология, которым во Франции благоприятствовали уникальные обстоятельства (территория страны является одним из богатейших полей для раскопок), процветали, несмотря на определенную немилость ученых обществ и части публики. Экзотическая антропология и этнография в собственном смысле слова не имели такого успеха.

оставляем в стороне соматологические описания, которые в крайнем случае, когда они касаются почти исключительно скелета, могут осуществляться в лаборатории.

За последние тридцать лет мы видим лишь несколько экспедиций, давших результаты (ибо нельзя считать научными исследованиями миссии белых отцов или католические миссии). Среди наиболее плодотворных мы назовем: экспедиции принца Ролана Бонапарта и Раффре на Новую Гвинею и в Малайзию; Пинара на Аляску и в Британскую Колумбию. Проведенные в эпоху, когда коллекционировать было еще легко, эти миссии привезли важные серии, но на этом их результаты, похоже, почти исчерпались. Затем идут две миссии Моргана и Лапика к *негритосам* Малакки и Андаманских островов: они были направлены прежде всего на изучение вопроса о физическом происхождении этих пигмеев, о которых Катрфаж только что написал превосходную для того времени книгу. Лапик продолжил свои исследования (все еще антропологические) у негроидов южной Индии. Доктор Риве, врач и добровольный натуралист миссии по измерению дуги меридиана, воспользовался временем, свободным от прекрасных археологических и антропологических открытий в Эквадоре, чтобы провести несколько этнографических и лингвистических исследований индейцев высокогорных андских долин. Миссия Креки-Монфор-Сенешаль де ла Гранж добавила к своим археологическим исследованиям в Боливии антропологические и лингвистические. Крупные миссии последних тридцати лет — миссия Пави, миссия Маршана, миссия Дютрей де Ренса, миссия Фуру-Лами, миссия Пеллио — либо оказывались в регио-

нах, где этнография была почти неуместна, либо не имели в своем составе ни профессионального этнографа, ни даже любителя. Не было даже мысли присоединить хотя бы одного этнографа к многочисленным и важным миссиям, которые в течение двадцати лет последовательно определяли основные границы наших африканских владений. Какими бы выдающимися ни были офицеры, входившие в эти миссии, они не могли, учитывая масштаб их задачи как географов и топографов, бросить на этнографические картины, представившие перед их глазами, ничего, кроме удивленного взгляда. Будем надеяться, что когда-нибудь в этой стране возобновят традицию великих экспедиций и что больше ни одна из них не отправится без натуралистов и этнографов. Экспедиция Бодена во времена Консульства и Империи насчитывала их не менее двух; экспедиция Дюмон-Дюрвиля во времена Луи-Филиппа имела в качестве антрополога такого ученого, как Лессон. Миссия, которая в настоящее время демаркирует новые франко-германские границы нового Камеруна, Габона и французского Среднего Конго, состоит лишь из офицеров и одного врача-энтузиаста: именно на его доброй воле и работоспособности покоятся последние надежды этой страны получить коллекции из регионов, ею открытых и управляемых.

Мы не будем сравнивать состояние этнографии во Франции с ее развитием за рубежом. Это сравнение, будучи не

в нашу пользу, рисковало бы показаться тенденциозным. В Англии и английских колониях энергия частных лиц и местных властей компенсировала инертность центральных властей. Большинство колониальных правительств имеют свою этнографическую службу, исследующую вверенную им колонию. В Америке мы вскоре увидим институты, руководящие выполнением этнографической работы.

Но возьмем случай, где сравнение должно быть для нас более благоприятным. Посмотрим, что немецкие государства сделали для этнографии немецких колоний. Эта империя стала колониальной державой лишь недавно. Возраст самых старых немецких заморских владений не достигает и сорока лет, и все время, пока длилась бисмарковская традиция, колониями пренебрегали не меньше, чем нашими в ту же эпоху. Первые немецкие труды по народам немецких колоний датируются лишь примерно тридцатилетней давностью. Коллекции, правда, по некоторым пунктам старше колоний; но это вторично. История того, что наши соседи из-за Рейна сделали за тридцать лет в своих далеких владениях, послужит примером того, что может дать в этих вопросах энергичное усилие.

Германские колонии все расположены в Африке или Океании. Колонии в Тихом океане стали объектом хороших этнографических «рекогносцировок». И хотя эти предварительные исследования представляли большие трудности на этих островах, разделенных огромными расстояниями и

скудными средствами связи, тем не менее на Каролинах и Палау, на Япе, в Микронезии работа по сбору коллекций и наблюдению не останавливалась ни на мгновение. Семья Годаффруа — великая гамбургская семья — открыла в своих факториях службу по закупке этнографических редкостей, продукцию которой она распределяла между своим частным музеем и государственными коллекциями. Именно в этих факториях сформировался Кубары, чьи исследования права и религии на Палау являются бесценными документами для социологии. Паркинсон, исследователь Меланезии, который первым после англичан описал общества Новой Британии и Новой Ирландии (известных ныне как Новая Померания и Новый Мекленбург в архипелаге Бисмарка), также вышел из фирмы Годаффруа. Кубары и Паркинсон, впрочем, оказали колоссальные услуги колонизации и экономической эксплуатации страны как тем, что подготовили аннексию, так и своими отношениями с аборигенами. С тех пор в архипелаге работы приумножились: судьи, морские офицеры, а затем отцы немецких католических миссий (Мейер, Рашер и др. — отец Шмидт публикует их прекрасные монографии) внесли свой вклад в наблюдения; а с другой стороны, многочисленные научные экспедиции, организованные при поддержке департамента имперского флота и самых разнообразных государственных учреждений, активизировали, направляли и инициировали исследования. Только за последние годы мы видим в деле три экспедиции: Тилениуса, Турнвальда и Фри-

дерици.

Другая крупная немецкая колония в западной части Тихого океана — это «Земля Императора Вильгельма», иными словами «Немецкая Новая Гвинея». Там также этнографическое исследование совпало с аннексией, а в некоторых точках предшествовало ей благодаря Финшу, а затем А.Б. Мейеру, которые действовали по поручению имперского правительства, а также музеев Берлина и Дрездена. После них Вена, Гамбург, Берлин, Дрезден экипировали или субсидировали миссии. Врачи (как доктор Шеллонг), видные ученые (как доктор Хаген), а совсем недавно экспедиции профессора Шлагинхауфена на реке Императрицы Августы и профессора Нойхаусса на северном побережье определили основные этнографические ареалы и собрали самые характерные экспонаты. Наконец, если работы немецкой католической миссии в архипелаге Бисмарка являются образцом филологической добросовестности, то опубликованные Нойхауссом труды протестантских миссионеров из Нойендеттельзау (обосновавшихся в окрестностях залива Юон) представляют собой образцы исторического описания. На Самоа немецкие ученые (фон Бюлов, Кремер) достойно заняли место, оставленное им англичанами (прекрасным исследователем Тернером) и старыми миссионерами.

В Африке немецкая этнография проделала еще более значительную работу. Камерун — самая новая из их колоний, она же и самая плохо изученная; но прекрасные исследо-

вания Висмана, Хуттера, Тессманна начинают знакомить с ее главными народами и их ремеслами; Камерун блестяще представлен в большинстве этнографических музеев Германии. Германская Западная Африка — это страна очень обширная, отчасти пустынная, трудно поддающаяся исследованию и колонизации. И все же различие и локализация основных племен там завершены. Наиболее важная из местных наций — *гереро* (из группы банту) — хорошо изучена, а Пассарге (географ из Гамбурга) в своем исследовании Калахари (огромной южноафриканской пустыни) также выполнил задачу этнографа: он привез ценные документы и прекрасные серии по племенам трех рас, хитросплетение которых он объясняет (раса банту, раса крупных негров, готтентотская раса, раса крупных желто-бурых бушменов, раса мелких пигмеоидов).

Жемчужиной немецких колоний, несомненно, является Восточная Африка. Экспедиции сменяли одна другую, публикации были столь же многочисленными, сколь и важными; исследования доктора Вайле (директора Лейпцигского музея) — одни из самых недавних и самых известных, но можно назвать еще пять или шесть не менее примечательных. Масаи, *ваджагга*, племена Килиманджаро, *кизиба*, *вагого* и т.д. стали объектом монографий, различных по качеству, но уже сейчас образующих солидный фундамент. Кроме того, немецкие ученые, почти единственные, кто знает языки банту и африканские языки в целом, также почти единственные,

кто преподает их — в Вене, Берлине, Гамбурге.

Но именно в Того немцы достигли самых прекрасных этнографических успехов. Издавна лютеранские миссии у *эве* (расы из Того, части английского Золотого Берега и французской Дагомеи) возглавлялись очень умными людьми. Лингвистические труды одного из старейших среди них, Кристэллера, до сих пор остаются незаменимыми. Именно этим миссионерам было суждено выполнить прекрасные труды по филологии в широком смысле этого слова; работы Вестерманна, Шпита по языку (грамматика и словарь¹⁷), по верованиям и институтам, сказкам и пословицам хо и племен центрального Того, по религии племен южного Того и соседних районов английского Золотого Берега. Это документы и анализы, подобных которым у нас нет почти ни по одному народу мира, включая народы Европы. Они могут выдержать самое суровое критическое испытание. Примененный метод (обновленный метод Кэлэуэя из его «Религии амазулу») — транскрипция и перевод документов, написанных на языке аборигенов — был тут же повсеместно подхвачен.

Вся эта работа в собственных колониях не помешала немецким ученым участвовать в этнографическом изучении других частей света: несколько поспешная потребность обо-

¹⁷ Кох-Грюнберг только что вернулся из новой экспедиции, длившейся почти два года, к еще неизвестным племенам в верховьях и на южном берегу Ориноко. Он привез значительные коллекции, а также лингвистические и социологические документы.

гатить свои музеи (быстрый рост которых превосходит самые смелые амбиции) побудила их охватить экспедициями наиболее важные этнографические регионы. Выше мы видели, какие услуги изучению основных семейств народов смог оказать один лишь человек — Бастиан. Его ученики и последователи блестяще последовали его примеру. Бразилия была почти полностью исследована ими: там друг друга сменяли фон ден Штейнен, Шмидт, Кох-Грюнберг¹⁸. В Северной Америке они напрямую участвовали только в изучении Северо-Запада, но их действия там были решающими. В Центральной Америке специалисты по археологии и лингвистике не гнушались уделять время этнографическим исследованиям живых племен¹⁹.

Поскольку сравнительное изучение африканских языков и цивилизаций стало своего рода специальностью немецкой науки в Вене и Гамбурге, Африка особенно активно исследовалась даже за пределами имперских владений. Экспедиции прошли по части Южно-Африканского доминиона, Французского Конго и части Бельгийского Конго. Другие глубоко изучили часть португальской Анголы, Французской Западной Африки и английской Нигерии. На востоке Африки ученые наблюдали население северного португальского Мозам-

¹⁸ Прекрасные работы Прейса об индейцах *кора* сейчас готовятся к публикации: они проливают совершенно новый свет не только на религию этих еще вчера почти неизвестных индейцев, но и на всю археологию Мексики.

¹⁹ Ван Геннеп в своих статьях в *Mercure de France* уже привлек внимание общественности к некоторым из вопросов, которые мы будем обсуждать.

бика, значительную часть племен юга Британской Восточной Африки и некоторые племена района озер. Этнология сомалийцев, *данакилей*, *галла* долгое время была предметом систематических работ и наблюдений венских ученых. Немецкие исследователи, последними прибывшие в Тихий океан, в настоящее время наиболее активны там, даже за пределами своих колоний. Давно уже Блюментритт и А.Б. Мейер посетили от имени Берлина и Дрездена архипелаги Малайзии и Филиппины. С тех пор в Нидерландской Индии побывали такие ученые, как Грабовский, Хаген, Альфред Маас, Мошковский, Фольц и др. Штефан, Кремер, Фридрици руководили в Полинезии специально экипированными для них экспедициями.

Таким образом, благодаря поддержке государств, князей, городов и частных лиц, немецкие музеи и немецкая наука, несмотря на позднее начало и неблагоприятные обстоятельства на старте, сумели сделать Германию страной, более привилегированной в этих исследованиях по многим пунктам, чем страны, где этнография укоренилась давно (как Англия и США). Выполняя свой долг колониальной и великой научной державы, Германия не только сумела преумножить свою славу, но и обогатила свои музеи экспонатами, которые уже сейчас представляют значительную ценность. Таким образом, она удачно распорядилась своим научным и художественным достоянием.

И мы не говорим об огромной кабинетной работе, проде-

ланной в самой Германии на основе собранных материалов и приобретенных коллекций. Немецкие этнологи сумели закрепить важные идеи для истории рас, народов и цивилизаций. Например, Шурц, Анкерманн и другие выдвинули серии гипотез, составили таблицы и карты, частично проясняющие историю Африки; и в то же время работы Майнхофа по языкам банту, работы Вестерманна по суданским и гвинейским языкам приводили к согласующимся и столь же значительным выводам.

Причина (и в то же время следствие) стагнации этнографии во Франции — отсутствие или недостаточность учреждений, которые могли бы ею заниматься. У нас нет ни учебных курсов, ни хороших музеев, ни этнографических исследовательских бюро, потому что мы не интересуемся этнографией. И наоборот, мы не интересуемся этой наукой, потому что у нас нет людей, которые были бы в ней профессионально заинтересованы. Наука живет не только красивыми словами: ей нужно оборудование и кадры. Ей нужны постоянные органы, стабильные институты, которые создают и поддерживают ее. Давайте же рассмотрим, учреждение за учреждением, что сделано во Франции и за рубежом для этнографии.

Наука, основанная на наблюдении, требует трех видов работы и трех видов институтов: как и другие науки, работающие под открытым небом (зоология, ботаника, геология и

физическая география), этнография нуждается прежде всего в полевой работе, затем в музеях и архивах, и наконец в образовании. Ей нужен корпус этнографов — профессионалов или любителей, неважно, — которые бы ехали и наблюдали на месте своими глазами, которые бы предоставляли документы и собирали коллекционные материалы. Как только эти материалы собраны, задачей музеев и архивных служб является их классификация, экспонирование и публикация. Наконец, образовательные программы различного уровня должны сделать науку доступной для технических специалистов, студентов или даже широкой публики. Что мы имеем у нас, чтобы противопоставить зарубежным этнографическим институтам: этнографическим службам, этнографическим музеям, образовательным программам?

Пройдем мимо всего, что касается преподавания этнографии. Достаточно сказать, что во Франции почти не существует преподавания этнографии за пределами Антропологической школы в Париже. Эта школа является частным учреждением, но щедро субсидируется городом Парижем и государством. Ее курсы — она ограничивает свою деятельность устным или письменным преподаванием — носят скорее популярный, нежели строго научный или академический характер. Мы не будем перечислять многочисленные кафедры, существующие в США, Англии, Германии, Австрии, Аргентине, Голландии, Швейцарии и других странах. У нас это пустое место. На данный момент преподавание этнографии

во Франции — это своего рода роскошь, которой нет строгой необходимости себя баловать. Не имея возможности предложить должность этнографа, нашим университетам было бы неосмотрительно готовить этнографов. С другой стороны, вряд ли есть смысл открывать кафедры до того, как сама наука будет оснащена: эти кафедры соответствовали бы программам, рискующим остаться чисто схоластическими. В лучшем случае они обеспечивали бы средствами к существованию ученых; но не факт, что они продвигали бы их исследования. Насущно необходимо организовать саму науку; преподавать ее будем потом.

Поговорим поэтому в основном о музеях и этнографических службах. Эти различные институты часто смешаны. В Германии, строго говоря, существуют только музеи и несколько кафедр, где ведется работа. Напротив, в некоторых английских колониях (например, в Канаде) есть только этнологические службы. В США можно найти и то, и другое. Но это лишь вопросы внутренней организации. Мы опишем, без лишних деталей, основные иностранные институты и то, что может отдаленно им соответствовать во Франции²⁰.

Музеи своими богатствами и публичным характером поражают воображение сильнее, чем миссии и технические учреждения. Был момент, когда мы занимали почетное ме-

²⁰ Без самоотверженности и изобретательности бедного руководителя работ, Эбера, умершего на своем посту, Музей не находился бы даже в том состоянии, в котором он есть.

сто в области музеев. Но этот момент был весьма мимо-летным. Это произошло, когда Ами, будучи тогда ассистентом Катрфажа в Музее естественной истории, основал, используя разрозненные коллекции в Париже и особенно те, что были собраны к Всемирной выставке 1878 года, Этнографический музей в Трокадеро. Хотя ему не удалось передать туда коллекции Морского музея, Музей Трокадеро был тогда одним из самых значительных и первых по времени создания. Но эти усилия Ами и рутина, которой там с тех пор следуют, не могли обеспечить процветание этого национального учреждения. И вот результат: коллекции, несомненно, многочисленны, но музей не имеет света, железных витрин, смотрителей, каталогов и даже сплошного инвентаря, фиксированных этикеток и библиотеки, достойной этого названия. Нынешний директор Верно — компетентный ученый, но поглощенный другими обязанностями; будучи лишенным всякой научной помощи, он с трудом справляется с общим руководством. Несмотря ни на что, Музей владеет и получает (или, скорее, делает все возможное, чтобы сохранить) важные по количеству и ценности коллекции. Но из-за нехватки средств на оборудование невозможно распаковать новые поступления, выставить их после распаковки, хранить и сберегать, когда они наконец разложены в недостаточных витринах и в непригодном и слишком тесном помещении. Также из-за нехватки средств на персонал невозможно ни всерьез инвентаризировать их, ни научно классифи-

цировать, ни, тем более, изучать. Количество зрителей заведомо недостаточно, а технического персонала (столяра, формовщика, слесаря, препаратора) не существует²¹. Властям, впрочем, известно положение дел. В многочисленных отчетах бюджетной комиссии Палаты депутатов, финансовой комиссии Сената можно найти замечания, дающие лишь слабое представление о прекрасно известной реальности.

И пусть не обвиняют подобный музей в отсутствии интереса, в том, что он заслуживает лишь те двадцать пять тысяч франков, которые выделяются ему в государственном бюджете. Поступившие коллекции (мы не говорим о тех, что еще предстоит распаковать) более многочисленны, чем в любом другом национальном музее. Часть состоит из драгоценных, иногда уникальных экспонатов, имеющих вполне определенную рыночную стоимость, соблазнительную для воров (были совершены значительные кражи). И, более того, музей популярен. По воскресеньям там проходят толпы людей, по крайней мере не меньшие, чем во многих отделах Лувра. Музею Трокадеро необходимо помещение, научный и рабочий персонал, более значительные средства; прежде всего ему потребовалось бы начальное финансирование в размере не менее миллиона. За эту цену и после нескольких лет работы из него можно было бы сделать учреждение, едва сопоставимое с коллекциями второго ряда, такими как в Вене, Лондоне

²¹ Миссия Деспляня, субсидия на работы монсеньора Ле Руа. Нельзя сказать, что результаты в последнем случае были очень блестящими.

или Санкт-Петербурге, которые имеют примерно те же размеры (около 90 000 номеров) и которые даже нельзя сравнивать с музеями Нью-Йорка, Вашингтона, Берлина.

Ведь эти последние музеи занимают не только в истории этнографии, но и в совокупности национальных богатств значительное место. Национальный музей США (Отдел антропологии), Королевский этнографический музей Берлина, Американский музей естественной истории Нью-Йорка (Отдел антропологии) имеют на троих более двух миллионов экспонатов — классифицированных, каталогизированных, выставленных по крайней мере частично, иногда в полных сериях. Берлинский музей настолько переполнен коллекциями в своем современном, но уже слишком тесном здании, что приходится убирать старые коллекции, чтобы выставить новые, даже если они менее интересны. В Лондоне, Берлине руководство музеев издает тщательно подготовленные каталоги — настоящие популярные путеводители, которые являются небольшими учебниками этнографии; они элегантно переплетены, продаются по очень низкой цене и разошлись тиражом более двадцати тысяч экземпляров. В Вашингтоне, в Нью-Йорке любой поступивший предмет немедленно изучается, научно идентифицируется, регулярно публикуется (по крайней мере, зарисовывается или фотографируется для публикации) и имеет в витрине или в ящике ссылку на сделанную или готовящуюся публикацию. Все эти музеи (и за ними следуют другие крупные музеи: Гамбург, Дрезден,

Лондон, Санкт-Петербург и т.д.) содержат бесценные памятники для истории человечества. Возьмем, к примеру, историю пластических искусств: Берлин, как и Лондон, обладает восхитительными образцами искусства Бенина, а также, как и Вашингтон, Нью-Йорк и Санкт-Петербург, уникальными произведениями искусства Северо-Запада Америки. В последние годы у *бушонго* — великой нации банту в Бельгийском Конго — и у жителей берегов реки Императрицы Августы на Новой Гвинее были обнаружены замечательные виды искусства, отличающиеся своим стилем и оригинальной красотой; эти открытия украсили музеи Лондона, Дрездена и Берлина. Когда эти народы и их цивилизация исчезнут, их потомки или преемники, историки, будут обязаны совершать паломничества к этим реликвиям. Следует также подчеркнуть художественный интерес, связанный с этими предметами, особенно в нашу эпоху, когда декоративное искусство пытается вновь обрести первобытные и неистовые источники вдохновения.

Музеи во французской провинции находятся в еще более плачевном состоянии, чем парижский. Мы едва о них знаем. В них нет ни опубликованных каталогов, ни специальных сотрудников, которым было бы поручено описание хранящихся экспонатов. Мы знаем, что существуют важные этнографические фонды в Лионе, Марселе (в муниципальных музеях); также в Музее естественной истории в Бордо, Гавре, Кане, Шербуре есть ценные хранилища. Но мы смеем утвер-

ждать, что эти коллекции не могут управляться иначе как недостаточно и без всяких научных претензий: фонды слишком скудны, а персонал поглощен другими, более срочными задачами. Во всяком случае, мы смогли лично убедиться в наличии прекрасных коллекций в музеях Булони и Тулузы. В сборе и экспозиции первой из них узнается работа Ами (уроженца Булони) и доктора Соважа; в Тулузе чувствуется присутствие Картайяка, знаменитого специалиста по первобытной истории. В Тулузе можно увидеть прекрасные коллекции из Новой Каледонии и Фиджи; в Булони — часть коллекции Пинара (Северо-Запад Америки), нубийские редкости от хедива, замечательные полинезийские экспонаты. Но ни охрана, ни уход, ни каталогизация, ни, тем более, публикация коллекций не были предусмотрены ни муниципалитетами, ни самими учреждениями. Приходится лишь удивляться, что подобные галереи вообще могли быть созданы и сохранены в таких невероятных условиях дешевизны и небрежности со стороны властей.

Напротив, во Франкфурте, Кельне, Гамбурге есть современные и процветающие музеи; в Дрездене, Лейпциге, Бремене, Любеке, Мюнхене, а с недавних пор и в Штутгарте старые и новые фонды соревнуются в рвении покупать коллекции, в гордости их выставлать, в энтузиазме снаряжать часто щедро финансируемые экспедиции. В Англии Оксфорд, Кембридж, Ливерпуль и даже Галифакс могут по некоторым параметрам считаться непревзойденными. В Лейдене и Ам-

стердаме есть капитальные серии; и мы, безусловно, не имеем ничего за пределами Парижа, что могло бы соперничать с коллекциями Базеля, Цюриха или даже Музея Конго близ Брюсселя.

Ситуация еще более серьезная, если говорить об исследовательских службах. Подобно тому как в геологии есть Служба геологической карты Франции, подобно тому как мы содержим в большинстве наших колоний ботанические и зоологические миссии и прикрепили к Музею Колониальную лабораторию — точно так же у нас должно быть регулярное учреждение, которому поручено было бы исследовать и знакомить с населением нашей колониальной империи. Что касается других первобытных народов остального мира, то было бы более бескорыстным интересом познать и их; но их изучение было бы не менее достойно великого народа и науки, в которой этот народ должен участвовать.

Но время от времени за счет бюджета миссий Министерства народного просвещения несколько тысяч франков используются для отправки французских исследователей в экзотические страны. И эти исследователи, помимо своей работы в качестве натуралистов или антропологов, выполняют некоторую работу по этнографии в собственном смысле слова. Но количество этих миссий за последние тридцать лет очень мало. Иадес на Огненной Земле, Пинар на севере Тихого океана, Морган у *негритосов* Малакки, Лапик на юге Индии — вот те несколько имен ученых-этнографов, чьи

экспедиции были профинансированы государством. Мы не думаем, что упускаем кого-то значительного. Ката, Борелли, Бинжер, Дибовски в ходе своих исследований добились некоторых успехов как этнографы. Другие миссии, признанные государством, осуществлялись за счет щедрых частных лиц, и некоторые из них дали лучшие этнографические результаты, особенно для музея Трокадеро и Музея естественной истории: миссии принца Ролана Бонапарта, Бурга де Бозаса, Креки-Монфора и Сенешаля де ла Гранжа. Но в конечном счете этнография оказалась в роли Золушки. Хотя она обильно представлена в Комиссии по миссиям, ею пренебрегли в пользу других, более классических и богатых наук: ее бюджет за последние тридцать лет не превышает бюджета одного года археологических исследований. У археологии есть свои школы в Риме, Афинах, Каире, на Дальнем Востоке; у нее есть свои делегации в Персии, Телло (и мы перечисляем только постоянные государственные учреждения). У этнографии нет ничего. Вне государства и частных лиц, для содействия этнографическим исследованиям во Франции можно найти (да и то нерегулярно) разве что Институт, который распоряжается фондом «Fondation Garnier» для исследования Азии и Центральной Африки. Но эти средства применяются для этих целей лишь от случая к случаю²².

²² Торстон, хранитель этого Музея, опубликовал в 1910 году первый обзор (*Survey*) такого рода: *Castes and Tribes of Southern India*. Он выявил значительные факты, например, крайнюю распространенность тотемизма в дравидийских землях.

Напротив, федеральное правительство Соединенных Штатов имеет свое Бюро американской этнологии, о котором мы уже говорили. Один ответственный «этнолог» и восемь «этнологов», все проверенные, признанные ученые, прикреплены к нему. Каждый из них лично изучил важные индейские племена; у каждого есть свои узкие знания: кто-то лингвист, кто-то археолог или технолог; другие компетентны в вопросах права или сравнительного религиоведения. Музеи Нью-Йорка, Чикаго, Беркли, Филадельфии, Кембриджа (Массачусетс) регулярно отправляют руководителей и ассистентов своих антропологических отделов проводить семестры, или месяцы, или годы в «поле» (*in the field*), как говорят там. Эти музеи, как и университетские кафедры, выполняют таким образом функции дополнительных этнографических служб.

Федеральное правительство Канадского доминиона также имеет свое Бюро этнологии, административно подчиненное Геологической службе; оно, будучи совсем молодым, уже предприняло масштабные работы. В Германии два полугосударственных учреждения — Фонд Бесслера в Берлине и Научный фонд Гамбурга — субсидируют, или направляют и снаряжают специальных исследователей; они публикуют их работы или наблюдения колонистов, находящихся на месте. На кабинетную работу они тратят лишь ничтожную часть своих средств.

Министерство колоний Великобритании уже давно глу-

хо к давним и неоднократным призывам ученых обществ и антропологов Великобритании. Но если центральное правительство остается инертным, университеты — Оксфорд, Кембридж — работают. Британский музей также умеет находить средства для отправки наблюдателей и собирателей. Наконец, наиболее важные колониальные правительства теперь имеют свои службы («Survey», как говорят там, заимствуя термин из языка топографов), посвященные этнографии: у Индийской империи есть такая служба (в дополнение к Музею в Мадрасе²³, который заменяет ее для Мадрасского президентства), а также Служба Ассама²⁴, которая является дополнительным органом администрации этой провинции.

Квинсленд, Западная Австралия учредили специальные должности этнографов, но они носили временный характер. Правительство Нигерии на постоянной основе заручилось услугами выдающегося этнолога Томаса. Правительство Судана имеет в качестве «этнологов» профессора Лондонского университета Селигмана и госпожу Селигман. Все эти учреждения приступили к публикации выдающихся документов.

²³ Правительство Ассама только что опубликовало серию монографий по семи важнейшим нациям, находящимся под его управлением: они продолжают прекрасные тома *Linguistic Survey*, изданные в сериях Правительства Империи. Работы майора Гердона о **кхаси** (представителях в Индии малайско-полинезийской расы и цивилизации), Ходсона о *мейтхей* и *нага* Манипура (представителей очень древних слоев тибето-бирманской цивилизации и языков) являются весьма заметным вкладом в наши исторические и социологические знания.

²⁴ Handbook of American Indians.

Ведь они не ограничиваются отправкой этнографов для сбора коллекций и наблюдений; они централизуют и направляют работу отдаленных резидентов, поддерживают их рвение; они классифицируют и регистрируют документы, полученные от постоянного или временного персонала, которые не могли быть опубликованы. Словом, они служат не только центрами инициативы, но и архивами и «историческими отделами». В Бюро американской этнологии вот уже сорок лет скапливается масса документов, касающихся языков (тексты, грамматики, словари, а с недавних пор фонограммы), антропологии, археологии, истории, человеческой географии, религий, нравов, экономики, искусства и т.д. индейских племен. Нет ни одного племени, находящегося на грани вымирания, ни одного языка, готового кануть в Лету, который бы многочисленные американские ученые не попытались изучить, пока еще было время. Так, были систематически изучены разрозненные остатки племен Луизианы и южных штатов, и эти исследования проводились среди последних стариков вымирающей расы, стоящих на пороге могилы. В прекрасном «Справочнике» (Handbook), который Бюро только что опубликовало²⁵, можно увидеть результа-

²⁵ Хотя мы не перечислили публикации, обязанные в других странах частной инициативе, мы должны воздать должное работе некоторых французских научных объединений и некоторых французских деятелей. Франция первой из всех наций создала Этнологические общества: большинство из них просуществовало недолго или даже осталось в тени. Но ряд из них оказали услуги и опубликовали серьезные кабинетные работы. Часть этой истории можно найти в подроб-

ты этой работы: около двадцати ученых Бюро, или сотрудничающих с ним, использовали огромный массив материалов, добрая часть которых была очень редкой или неопубликованной. Простые вопросы, вроде ономастики — подлинного названия, которым племена называют сами себя, и названия, которое им было дано здесь или там, — трактуются с заботой о точности, которая привела к изучению огромного числа документов (часто рукописных). В то же время во Франции мы даже не знаем, например, подлинного названия *бамбара*, и продолжаем называть эту суданскую нацию термином, заимствованным из административного словаря чернокожих завоевателей.

К слову, у нас есть целая служба регистрации и архивов, которую необходимо организовать. Колониальная администрация должна была бы уже давно обеспечить регулярный сбор колониальными администраторами всех знаний и всех фактов, зафиксированных за время их работы в опре-

ностях в отчетах о праздновании пятидесятилетия Парижского антропологического общества. Но лишь примерно к 1865 году этнографическая продукция во Франции стала регулярной. Среди наиболее заметных публикаций мы упомянем в порядке старшинства: «Бюллетень» и «Мемуары» Парижского антропологического общества; *Revue maritime et coloniale* (официальный журнал, в некоторые годы); затем основанный Ами *Revue d'ethnographie*, к сожалению, прерванный на седьмом томе; затем *L'Anthropologie*, руководимый Булем и Верно; *Revue de l'École d'anthropologie* публиковал лишь кабинетные работы преподавателей этой школы. Наконец, Ван Геннеп возглавил *Revue d'ethnographie et de sociologie*, орган Международного этнографического института. Этот журнал старается публиковать оригинальные документы.

деленном племени. Опыт судьи, начальника округа, губернатора не должен пропадать для их преемников. Он должен бережно использоваться, и для этого необходимо, чтобы от него оставался письменный след. Великие административные успехи, как и великие этнографические труды, опирались на использование архивов подобного рода, накопленных поколениями колонистов, миссионеров, офицеров, чиновников самых разных ведомств. Так, с самого своего основания знаменитая Гражданская служба Индии (*Civil service*) обязывает каждого сборщика налогов, каждого молодого чиновника сдавать в архив результаты своих наблюдений за кастами, племенами, с которыми он находится в прямом контакте: и это касается самых разнообразных вопросов, от экономики до лингвистики или даже диалектологии. Именно на основе этих документов составляются «Газетиры» (своеобразные справочники) по каждой провинции и по всей Империи, знаменитые переписи (*census*), многочисленные *survey* (своего рода обзоры: антропологические, лингвистические, археологические) и монографии или общие описания племен и каст. Наконец, на этих досье основаны инструкции, которые губернаторы дают начинающим чиновникам; последним не нужно начинать на свой страх и риск обучение, которое обходится дорого как самим управляемым, так и администрации. В наших колониях Французская школа Дальнего Востока начала создавать подобную службу для Индокитая. Но она еще не достигла полного успеха. И, похоже, по мно-

гим направлениям — Верхний Тонкин, Мадагаскар, Конго, Судан — наш корпус колониальных офицеров предпринял в этом направлении работы, которым гражданские колониальные администрации не последовали в должной мере. Наблюдения, собранные в Верхнем Тонкине и опубликованные полковником Люне де ла Жонкьером («Этнография Верхнего Тонкина»), те, что были опубликованы в «Заметках и рекогносцировках» на Мадагаскаре, не получили того продолжения, которого заслуживали. Вот традиция, которую следовало бы возродить или внедрить — без больших затрат или усилий.

Если интересы администрации и интересы науки требуют скорейшей фиксации как можно большего числа фактов, очевидно, что не все эти факты могут и должны быть немедленно опубликованы. Некоторые наблюдения могут и должны подождать определенное время, прежде чем стать достоянием широкой публики. Но низшие народы и цивилизации исчезают так быстро, что иногда стоит пойти на риск преждевременных публикаций.

Впрочем, настоятельную необходимость большинства крупных публикаций ведущих этнографических служб не может отрицать никто, кто хотя бы в общих чертах знаком с ними. У Бюро американской этнологии есть свои *Reports*, свои *Bulletins*. Национальный музей США имеет серии с аналогичными названиями, где Отдел антропологии издает свои работы. Американский музей естественной истории в

Нью-Йорке (*Anthropological Series*) имеет свои *Publications* и *Memoirs*. Именно там под руководством Боаса замечательная серия работ, *Jesup Pacific Expedition*, прояснила, можно сказать, в самый последний момент, проблемы человеческой истории на северо-востоке российской Азии и на северо-западе Америки: эти исследования покрывают сеть опросов цивилизации и народы, которые находились накануне распада; они фиксируют данные, потеря которых была бы невозможной для лингвистики, социологии и истории. Университет Беркли имеет свой Отдел и свой Музей американской антропологии и археологии, которые менее чем за десять лет опубликовали в университетских сборниках четырнадцать томов, содержащих наблюдения, сделанные над последними выжившими индейцами калифорнийских племен. Некоторые из этих томов входят в число лучших работ современной лингвистики. Филдсовский музей естественной истории (*Anthropology*), Музей Пибоди (при Гарвардском университете), Музей Пенсильванского университета также издали важнейшие для американской археологии и этнографии серии книг и монографий. Мы бы не закончили перечислять университеты, государственные учреждения, научные общества, которые взяли на себя в США расходы на исследования, печать заметок, мемуаров, богатых трудов и обильных периодических изданий, таблиц и библиографий, посвященных этнографии. Если немецкие музеи, возможно, и стоят американских, можно быть уверенным, что печатная

продукция американцев намного превосходит любой вклад любой другой нации в этнографию.

Почти все нации европейской цивилизации помогали, путем временных или постоянных субсидий, развитию этнографических исследований и публикаций. Возьмем, к примеру, Голландию. Королевский институт Нидерландской Индии организовал, поддержал и субсидировал множество работ. В его важном периодическом издании (*Bijdragen tot de Taal-Land-en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië*) и в его специальных томах увидели свет прекрасные исследования ван дер Тука, ван Хасселта, Вилькена, Крюйта. Батавское общество (которое является настоящей академией) и само правительство Нидерландской Индии руководят и публикуют не менее замечательные работы. Экспедиция Ниувенхейса (ныне профессора этнографии в Лейдене) через Борнео была официальной, проведенной как бы по долгу службы. Книга Снук-Хюргронье «Ачех», посвященная знаменитым малайским повстанцам, и книга Риделя («О курчавоволосых расах между Тимором и Целебесом»), посвященная населению множества мелких островов, обязаны своим появлением на свет поддержке и даже инициативе администрации и ученых обществ. Наконец, правительство Индии предприняло и продолжает обширную компиляцию обычного права всех малайских популяций, чтобы опубликовать и кодифицировать его. Тома *Adat Kommissië* (Комиссии по обычному праву) навсегда останутся памятником. Эта работа будет

не только полезна для отправления туземного правосудия, но и станет научным трудом, с которым придется считаться истории права и социологии. Национальный музей Лейдена также публикует превосходные «Отчеты», ценные «Каталоги», и, наконец, правительство Нидерландов субсидирует дорогостоящую и красивую публикацию *Internationales Archiv für Ethnographie*. Мы ничего не будем говорить о публикациях немецких, английских, квинслендских, аргентинских, гавайских, новозеландских, филиппинских или формозских (японское правительство). Нам достаточно сказать, что они существуют.

Этой колоссальной научной продукции Франции нечего противопоставить — ни равного, ни даже близкого. Мадагаскарская академия и Французская школа Дальнего Востока — единственные государственные учреждения, которые за рубежом издавали ценные работы по населению наших низших колоний. Кроме них, ни одно столичное или колониальное учреждение не предпринимало исследований и не содействовало их публикации. В той слабой мере, в какой этнография практиковалась во Франции, это делалось под эгидой ученых обществ или благодаря частной инициативе^[26].

Таким образом, на всем протяжении наших владений у нас нет ни одного центра исследований и публикаций. У нас также нет ни одного сборника, сопоставимого хотя бы с наименее ценными зарубежными сериями — например, с «Коллекцией этнографических монографий», которую ван Овер-

берг издает для бельгийского правительства и которая удостоена подписки со стороны французского правительства.

И дело не в том, что нам не хватает кадров для составления монографий не меньшей ценности о племенах наших колоний. И не в том, что у нас нет авторов, желающих заявить о себе, если бы у них были на то средства. Но наши офицеры, наши администраторы, наши колонисты не поощряются, не получают помощи и не призываются к наблюдению и написанию. И так будет продолжаться до тех пор, пока во Франции не появится центр преподавания, исследований, архивов, коллекций и контроля. В кратчайшие сроки должно появиться учреждение, где наши миссионеры всех конфессий, наши чиновники всех рангов, наши колонисты, наши врачи и офицеры колониальной армии могли бы по возвращении найти гостеприимство, получить инструкции перед отъездом, постоянную помощь на протяжении всего времени, которое они посвятили бы этим исследованиям, и вознаграждение, когда привезли бы свою научную добычу. Мы можем заверить, что среди наших соотечественников, отвечающих за нашу колониальную империю, скрыты сокровища науки, которые только и ждут, чтобы их использовали.

Ведь у нас нет недостатка в наблюдателях. Нигде колониальный персонал не способен лучше понимать аборигенов, теснее с ними контактировать, чем наши администраторы, офицеры и врачи. Нет нигде корпуса, который был бы более способен внушить доверие аборигену и вызвать у него энту-

зизм, необходимый для преодоления его робости или дурного настроения. Нет ученых, которые были бы в такой же степени лишены предрассудков, столь опасных в этих исследованиях расы и религии. За последние несколько лет мы слышали или читали превосходные заметки, очень хорошие сообщения от людей, обладающих (при отсутствии технического опыта) тем самым необходимым и непередаваемым чувством факта, которое делает хорошего этнографа. Всем этим игнорируемым добрым намерениям и ученым, которые сами не знают о своих способностях, не хватает лишь импульса, помощи, направления. Это направление можно было бы организовать с очень небольшими затратами. Научная работа во Франции обходится так дешево!

Мы не требуем от страны слишком большой жертвы или бесполезных вложений. Мы просим ее сделать для определенной науки то, что она делает для других наук, к которым она не проявляет более живого интереса. Мы просим ее выполнить свой долг так же, как это делают страны бесконечно менее богатые, не являющиеся колониальными державами (Швейцария или Швеция). Мы даже не просим от страны жертв, пропорциональных ее обязанностям и нуждам. В Соединенных Штатах на их территории проживало лишь два-три миллиона индейцев (краснокожих), а сегодня индейское население сократилось максимум до четырехсот тысяч душ. Однако в США более сорока этнографов (ученых, авторов исследований об этих племенах, руководителей

работ) выполняют важнейшие обязанности по наблюдению, коллекционированию, публикации, сохранению и преподаванию. Франция же должна управлять более чем шестьюдесятью миллионами туземцев в своих колониях, из которых, возможно, миллионов двадцать находятся на столь низком уровне цивилизации, что они, несомненно, относятся к ведению этнографии в самом строгом смысле слова. И мы не находим у нас ни одного ученого, специально назначенного для изучения этой значительной части человечества, которую нам так необходимо знать. Мы не требуем, чтобы здесь тратились средства, пропорциональные тем, что тратят американцы. Мы просим лишь сделать хоть что-то для этнографических музеев, хоть что-то для этнографического бюро и для исследований за пределами французских колоний.

И это должно быть сделано без промедления.

Сами факты, которые необходимо наблюдать, исчезают с каждым днем. Можно подождать с раскопками руин или доисторических памятников, но нельзя ждать с наблюдением все еще живых популяций, языков, которые вскоре будут вытеснены пиджинами, цивилизаций, которые уступят место заразе нашей унифицированной западной культуры. Нужно спешить собирать урожай, иначе скоро он сгниет на корню. Время каждый день разрушает жизни рас, вещей, предметов, фактов. И действует оно очень быстро. Все путешественники говорят нам о колоссальных трансформациях, которые

претерпевают, например, негритянские общества под воздействием нашей европейской колонизации. Племена распадаются, скрещиваются, смешиваются, перемещаются, если не вырождаются или даже не вымирают. Искусства угасают, прекрасные коллекционные предметы теряются или изнашиваются. Становится невозможно найти подлинные вещи. Приводят в пример новокаледонские племена, где изготавливают для торговцев сувенирами те прекрасные топоры из полированного камня, за которые спорят музеи. Старые поколения вымерли на Маркизских островах; они вымрут на Таити, прежде чем будут собраны традиции их народа (их «фольклор», как принято говорить). Вместе со стариками исчезают обычаи, знание мифов, басен, древних ремесел — всего того, что составляет колорит и своеобразие цивилизации. Вместе с ними исчезают те элементы самой социальной жизни, единственной защитой которых был их авторитет. Эти факты нужно зафиксировать сейчас или никогда. *Now or never*, — говорилось в громком обращении к правительству Великобритании Риджуэем, археологом из Кембриджа, который защищал перед своей страной то же дело, которое мы отстаиваем здесь.

С другой стороны, забота о наших интересах, своеобразный эгоизм коллекционеров, должны были бы по крайней мере побудить нас не терять ни минуты. Французские колонии начинают бороздить иностранные научные экспедиции. Они собрали самые ценные коллекции. Мы упоминали

о некоторых из них. Можно задаться вопросом: как после всех этих облав наши музеи получают серии, которые должны были бы представлять в их галереях население французских колоний? Добавим также, что в Лондоне, в Гамбурге формируется торговля, почти рынок, этнографических предметов, и выставляемые там на продажу экземпляры начинают приобретать курсовую стоимость. Экспорт этнографических «дикивинок» принимает вид организованного бизнеса во многих факториях, даже в наших колониях. Однако эти диковинки находят свой путь в Гамбург, Чикаго и т.д. Безусловно, мы предпочитаем видеть эти коллекции сформированными, чем видеть, как эти редкости исчезают, а вопросы остаются без ответов. Но если мы будем долго медлить, этнографам или просто любознательным людям будущего придется ехать не в Париж, Бордо или Марсель, чтобы увидеть подлинные памятники цивилизаций, над которыми Франция имела покровительство: именно в Гамбурге, Берлине, Базеле и других местах они найдут серии, необходимые для научного изучения, поучительные для широкой публики.

На Франции лежит ответственность за судьбы людей. Она ответственна перед человеческими группами, которыми она хочет управлять, не зная их; она ответственна перед наукой, для которой не сохраняет данных; она ответственна перед будущими поколениями колонистов и ассимилированных туземцев, для которых мы не создадим архивов и хранилищ, позволяющих им представить себе прошлое. И каждый

день, проходящий без сбора этих осколков человечества, — это потерянный день для науки об обществах, для истории человека, для извлечения на свет фактов, о которых сейчас никто не может сказать, в какой мере они будут полезны для философии и для того осознания, которое человечество приобретет о самом себе. По праву, если мы будем слишком медлить, будущее осудит нас сурово. Социология упрекнет нас в том, что мы пренебрегли фиксацией фактов, знание которых было бы необходимым, чья потеря станет невосполнимой. И сам историк, перед лицом лакун, которые Франция оставит зияющими в описании народов, скажет: «Франция вела себя по отношению к своим подданным так же, как античные нации по отношению к варварам. Она действовала через презрение и методами, достойными другой эпохи. И это по вине Французской Республики мы знаем о новокаледонцах не больше, чем римляне рассказали нам о лигурах».

Французская наука не должна отступать перед скромными расходами и уклоняться от задачи крайней срочности.

Руководство по этнографии

Лекции, прочитанные Марселем Моссом в Институте этнологии Парижского университета в период с 1926 по 1939 год. Текст составлен на основе стенограмм и конспектов и издан в 1947 году.

Предварительные замечания

Публикуемый здесь курс отвечает прежде всего на практические вопросы, он должен научить наблюдать и классифицировать социальные явления.

В этих лекциях можно было бы увидеть лишь нагромождение бесполезных деталей. На самом деле, каждая упомянутая деталь предполагает целый мир исследований: так, биометрия, которая стремится установить кривую распределения возрастов, предполагает статистику и теорию вероятностей; изучение цветов, требующее знаний по физике, требует практики работы со шкалами Шевреля и Брока. То, что может показаться пустяковыми деталями, в действительности является компендиумом принципов.

Поле наших исследований ограничено обществами, населяющими французские колонии, и обществами, находящимися на той же стадии развития; это, казалось бы, должно исключить все так называемые «первобытные» общества.

В этих пределах мы дадим необходимые инструкции для научного формирования архивов этих более или менее архаических обществ.

Этнологическая наука имеет своей целью наблюдение за обществами, своей задачей — познание социальных фактов. Она регистрирует эти факты, при необходимости составляет их статистику; и публикует документы, обладающие мак-

симальной степенью достоверности. Этнограф должен стремиться быть точным, исчерпывающим; он должен обладать чувством фактов и их взаимосвязей, чувством пропорций и сочленений.

Интуиция не играет никакой роли в этнологической науке — науке констатаций и статистики. Социология и описательная этнология требуют, чтобы исследователь был одновременно архивистом-палеографом, историком, статистиком... а также романистом, способным воссоздать жизнь целого общества. Это не значит, что интуиция, с одной стороны, и теория, с другой, здесь бесполезны; но их использование должно быть ограниченным, необходимо знать их ценность и скрытые в них опасности.

Истинная роль теории будет заключаться в том, чтобы стимулировать исследования с целью проверки. У науки есть свои меняющиеся моды, но они позволяют понять факты. Теория обладает «эвристической» ценностью, ценностью открытия. Ложные априорные построения Венской школы принесли нам богатый урожай фактов.

Молодой этнограф, отправляющийся в поле, должен знать, что он уже знает, чтобы извлечь на поверхность то, чего мы еще не знаем.

Социальные факты прежде всего историчны, следовательно, необратимы и неопровержимы, — пример: бегство армии (сколько солдат, что они сделали, роль военачальников, людей и т.д.). Кроме того, социальный феномен — это од-

новременно феномен факта и идеала, правила: на Севрской мануфактуре отбраковывают девять ваз из десяти; в других местах сохраняют десять гончарных изделий из десяти. В последнем случае больше нет разницы между фактом и нормой.

Статистика позволяет достичь такой достоверности, которой история еще никогда не знала. Мы не знаем числа рабов в Риме, но мы знаем, сколько их в Тимбукту.

Добавим, что этнография не является исторической наукой в строгом смысле слова, поскольку факты в ней не представлены в хронологическом порядке. Тем не менее этнология включает историческую часть, которая будет заключаться в установлении истории заселения человечеством Земли: негроидной, желтой и других рас. Это история, которую этнология в настоящее время способна проследить лишь в узких пределах; но наша наука имеет будущее лишь при условии сохранения надежного и осторожного метода.

Сравнительная этнография действительно будет иметь ценность лишь в том случае, если она основывается на сравнении фактов, а не культур. Критерий археологического факта, запечатленный в слоях почвы, один только и может придать ценность культурному, лингвистическому и другим критериям. Например, существование флейты Пана по всему периметру Тихого океана (культурный критерий) позволяет утверждать об общности цивилизации лишь потому, что оно подтверждается находками керамики (археологи-

ческий критерий); следовательно, становится правомерным утверждать, что весь периметр Тихого океана, как и весь периметр Средиземноморья, обладал общей цивилизацией.

Субъективные трудности. Опасность поверхностного наблюдения. Не «верить». Не верить, что знаешь, только потому, что видел; не выносить моральных суждений. Не удивляться. Не выходить из себя. Стремиться жить в туземном обществе и его жизнью. Тщательно выбирать свидетельства. Остерегаться лингва франка, «пти-негр», английского, пиджина и т.д. (недостатки использования таких слов, как фетиш, там-там и т.д.). Многие специальные термины остаются непереводаемыми. Если приходится прибегать к помощи переводчиков, следует по возможности применять филологический метод, заставляя записывать саму фразу, без условной системы. Хорошим примером служат работы Кэлэуэя о зулусах. Этот метод дает документы в их первоизданном виде, пригодные для неспешного изучения в кабинете.

Остаются *материальные трудности*, которые можно преодолеть:

1) обращаясь к сознательным информантам, обладающим памятью на события; их можно встретить среди судебных или религиозных чиновников, жрецов, колдунов, глашатаев...

2) собирая и каталогизируя предметы. Во многих случаях предмет является доказательством социального факта: ката-

лог амулетов — один из лучших способов составить каталог обрядов.

В изложении, как и в наблюдении, следует стремиться к объективности. Говорить то, что знаешь, все, что знаешь, и ничего, кроме того, что знаешь. Избегать гипотез, исторических или иных, которые бесполезны и часто опасны.

Хорошим методом работы будет филологический метод, который заключается в том, чтобы сначала собирать сказки, создавая коллекцию вариантов (пример: первое издание сказок Гриммов); затем — предания, специфические для каждой деревни, каждого клана, каждой семьи. Эта работа часто огромна и очень сложна. Необходимо отмечать проведенные исследования, те, что остались незавершенными, и все трудности, касающиеся отдельных лиц.

Исчерпываемость. Не упускать ни одной детали (пример: при изучении приготовления приворотного зелья отмечать условия сбора каждой магической травы). Нужно не только описывать все, но и проводить глубокий анализ, в котором проявится ценность наблюдателя, его социологический гений. Изучать лексикографию, связи между именными классами и предметами; юридические явления, геральдических животных и т.д. К перечислению ритуальных запретов следует прилагать примеры казуистических решений, касающихся этих запретов.

При изложении наблюдаемых фактов следует стремиться

к ясности и сдержанности. Планы, графики, статистические данные могут с успехом заменить многие страницы текста. Для описания родства следует приводить генеалогические древа с номенклатурой степеней родства. Лишь в том, что касается доказательств, можно быть словоохотливым, множить свидетельства, не бояться анекдотов или подробностей о трудностях, с которыми пришлось столкнуться при наблюдении. Каждый приведенный факт должен быть всегда локализован (название деревни, семьи, наблюдаемого индивида) и датирован; следует указывать все обстоятельства наблюдения, за исключением случаев длительного пребывания наблюдателя в данном регионе.

Экстенсивный метод исследования, заключающийся в том, чтобы увидеть как можно больше людей на определенной территории и в определенное время, широко практиковался в эпоху, когда речь шла исключительно о том, чтобы как можно быстрее собрать максимальное количество предметов, которые могли исчезнуть, и наполнить зарождающиеся музеи.

Экстенсивный метод позволяет в большом числе случаев определить место, где затем можно будет провести более интенсивную работу; квалифицированные путешественники в ходе широкомасштабного исследования могут решить, к каким именно племенам необходимо будет вернуться. Главная опасность этого метода заключается в его поверхностном

характере: этнограф лишь проезжает мимо, а предметы часто собираются еще до его прибытия. Другой опасностью будет, например, использование недостаточных лингвистических критериев; создание необходимой и надежной лингвистической карты подчинено прогрессу, который должен быть достигнут в изучении каждого из неевропейских языков.

Заниматься экстенсивной этнографией необходимо; но не думайте, что этого достаточно. Профессиональный этнограф должен отдавать предпочтение интенсивному методу.

Интенсивная этнография заключается в глубоком изучении племени, в наблюдении столь же полном, столь же тщательном, насколько это возможно, ничего не упуская. Профессиональный этнограф, работая очень хорошо, может один за три-четыре года провести почти исчерпывающее изучение племени. Изучение одних только зуни, стоившее жизни Кушингу и Стивенсонам, составляет семь томов *in-quarto*, изданных Бюро американской этнологии. И этот экстраординарно сжатый труд все равно остается недостаточным.

Публикуемые здесь инструкции предназначены для администраторов, колонистов, не имеющих профессиональной подготовки. Эти инструкции по «первоначальной ориентации» позволят им выполнить промежуточную работу между экстенсивным и интенсивным изучением рассматриваемого населения, работу, в которой будут соблюдаться пропорции различных социальных явлений.

Этнографические работы слишком часто выглядят карикатурно: тот, кто интересуется музеографией, будет пренебрегать всем, что не является материальной культурой; другой, специализирующийся на изучении религий, не увидит ничего, кроме культов, святилищ и магии; третий будет наблюдать за социальной организацией и говорить только о кланах и тотемах; четвертый будет искать лишь экономические явления.

Наблюдатель должен прежде всего соблюдать пропорции различных социальных явлений.

План изучения общества

I. Социальная морфология

Демография

Человеческая география

Техноморфология

II. Социальная физиология

Техники

Эстетика

Экономика

Право

Религия

Науки

III. Общие явления

Язык

Национальные явления

Международные явления

Коллективная этология

I. Социальная морфология. Любое общество состоит прежде всего из некоторой массы. Изучение этого общества как человеческой массы и на его территории образует то, что называют социальной морфологией, которая включает в себя демографию и человеческую географию, значение которых представляется первостепенным. К человеческой географии добавляется техноморфология.

II. Социальная физиология изучает сами явления и их движения, а не просто зафиксированную материальную массу. Сюда я отношу, в зависимости от степени их материальности, техники, то есть все без исключения производственные искусства и ремесла: война — это искусство разрушать, это тоже индустрия, техника. Высшим проявлением техник являются науки; нет ни одного так называемого первобытного общества, которое было бы полностью лишено наук. Эстетика все еще остается в значительной степени материальной, даже когда кажется очень идеальной; пластическая эстетика мало чем отличается от техники. Все менее материальной,

но управляемой очень четкими коллективными представлениями, предстает экономика, высвобождением которой выступают деньги, встречающиеся по всей Америке и Африке. Над экономикой, управляя ею, стоит право, юридические и моральные явления. Еще выше — религия и наука, которую мы здесь вновь обнаруживаем.

III. Общие явления. За языком следуют морфологические явления, например общество в целом, национальные явления (проницаемость племени), затем международные явления: кочевничество предполагает, что общество может пасти своих овец на не принадлежащей ему территории или пересекать территории чужих племен, что подразумевает международный мир, часто на больших расстояниях. Цивилизация — это международный феномен. Изучение явлений цивилизации включает в себя изучение интернационализации определенных обычаев, определенных орудий. Наконец, идут собственно общие явления, или коллективная этология, изучение характера, национальной политической психологии и ее связей с психологическими явлениями, биологическими явлениями (пример: связь между чистоплотностью и смертностью — или отсутствием смертности).

Здесь можно будет найти ряд музеографических инструкций, касающихся, с одной стороны, социальной морфологии, а с другой — техники и эстетики. Инвентаризация экономических, юридических и религиозных предметов дополнит

план музеографического исследования, который имплицитно содержится на этих страницах. Музеография общества заключается в создании материальных архивов этого общества; музеи — это и есть архивы.

В идеале экспедиция не должна отправляться без своего геолога, ботаника и этнографов. Таким образом можно было бы сократить общие расходы; с другой стороны, антрополог может проявить себя как социолог, и все могут оказаться превосходными музеографами. Поэтому отправляться следует коллективно.

Часто на месте можно встретить людей, очень хорошо осведомленных о туземном обществе: миссионеров, колонистов, унтер-офицеров (не обязательно французов), которые обычно живут с туземцами гораздо теснее, чем коренные французы. Именно так сформировалась Римская империя, благодаря центурионам, жившим вместе с галлами.

Первый метод работы будет заключаться в ведении *путевого дневника*, где каждый вечер будет фиксироваться выполненная за день работа: заполненные карточки, собранные предметы будут заноситься в этот дневник, который станет легко доступным справочником.

Исследователь будет составлять *инвентарь* по мере сбора коллекционных предметов.

Каждому собранному предмету должна также соответствовать подробная *описательная карточка*, составляемая

в двух экземплярах.

Путевой дневник, инвентарь и карточки составят первый рабочий элемент.

Для многих путешественников суть этнографической работы будет заключаться в сборе и организации коллекций предметов. Это часть музеографии, которая также включает способы сохранения и экспонирования этих предметов. Все исследования распространения элементов цивилизации до сих пор обычно относятся к музеографии.

Как отрасль описательной этнографии, музеография регистрирует продукты цивилизации, все продукты во всех их формах. Создание коллекций предметов имеет как практическое, так и теоретическое значение. Практическое значение: коллекции крайне важны для понимания экономики страны; техника может направить изучение ремесел лучше, чем любые другие изыскания. Демонстрация изобретательности в изобретениях, типа наблюдаемой изобретательности. Теоретическое значение: наличие инструментов, характеризующих определенный тип цивилизации. Музейные коллекции остаются единственным средством написания истории.

Собирателю следует стремиться составлять логические серии, по возможности объединяя все образцы одного и того же предмета по размерам, формам и т.д., не боясь дубликатов и тройных экземпляров. Локализация абсолютно необходима; без нее предмет не может попасть ни в один музей.

Следует зафиксировать ареал распространения, где используется собранный предмет.

Каждый предмет получит номер, нанесенный чернилами, который будет отсылать к инвентарю и описательной карточке, содержащей информацию об использовании и изготовлении предмета. Описательная карточка должна сопровождаться несколькими приложениями, в частности фотографическим приложением, а по возможности — и кинематографическим. Рисунок следует прилагать каждый раз, когда необходимо показать способ обращения с предметом, движение руки или ноги (например, для лука и стрел важно зафиксировать метод стрельбы: положение рук, пальцев в различные моменты; ткацкий станок невозможно понять без документов, показывающих его функционирование). Следует также очень точно отмечать даты использования, так как некоторые предметы существуют только в определенный сезон (секатором не пользуются зимой); предмет также может использоваться только мужчинами или только женщинами. Наконец, следует попытаться объяснить предмет, ценность которого носит не только технический, но и религиозный или магический характер; тот или иной узор может соответствовать знаку собственности или фабричному клейму и т.д.

К составлению карт распространения следует приступать только в конце исследования, предпочтительно по возвращении, когда появится ощущение, что увидено все. Это результат работы, а не метод сам по себе. Но исследователь может

поставить перед собой подобную цель в ходе своей работы, например, если он последовательно посещает две части одной национальной группы. Такой результат, чтобы быть достигнутым, предполагает наблюдение за всеми предметами племени. Так Монье смог установить с помощью статистики, что канон кабийской крыши является греческим, а не латинским.

Метод инвентаризации, используемый для создания коллекций предметов, сам по себе является лишь одним из методов материального наблюдения, применяемых при изучении социальной морфологии.

Методы наблюдения делятся на методы материальной фиксации и наблюдения, с одной стороны, и методы моральной фиксации и наблюдения — с другой. Различие это довольно условно, поскольку социальная жизнь не содержит ни чисто материальных, ни чисто моральных элементов. Музыка — искусство идеального и неосязаемого — воздействует на людей самым что ни на есть физическим образом.

Методы материального наблюдения включают:

1) Морфологический и картографический метод.

Первое, что нужно сделать при изучении общества — это узнать, о ком идет речь. Для этого следует составить полную картографию наблюдаемого общества, что часто является трудной задачей: общество всегда занимает определенное пространство, которое не совпадает с пространством сосед-

него общества. Следует тщательно фиксировать все места, где было установлено присутствие индивидов, принадлежащих к изучаемой группе, с указанием их числа и числа их жителей в разные моменты года. Не бывает хорошего социологического исследования, которое длилось бы менее года. Картография общества, картография его содержания: недостаточно знать о том или ином племени, что оно насчитывает две или три тысячи членов, нужно локализовать каждого из этих трех тысяч. Здесь мы прибегнем к методу переписи с нанесением на карту: инвентаризация людей в каждом месте, количество домов в деревне, количество хижин и амбаров; картография этих амбаров и домов. Большая суданская семья обычно представляет собой большую неразделенную семью, распределенную вокруг двора; клан будет занимать целый квартал. Таким образом, сразу же материально вырисовываются весьма сложные социальные структуры. По возможности следует использовать аэрофотосъемку.

Географическая и демографическая статистика необходима, она является основой любой работы.

Каждое поселение большой семьи, каждого клана, составляющего нацию, оказывается таким образом изолированным; в этот момент можно будет составить инвентарь каждого дома, каждого святилища, от фундамента до конька крыши: так Ленхардт обнаружил тотем на коньке крыши канакской хижины.

Инвентаризация должна быть полной, с точной локализа-

цией, по возрасту, полу, классу. Инвентарный метод включает точную картографию каждого места, где собраны предметы: планы домов, поэтажные планы, если таковые имеются.

Полученная таким образом материальная фиксация составит необходимую базу для любой работы.

Для этой материальной фиксации мы будем также прибегать к фотографическому и фонографическому методам.

2) Фотографический метод. Все предметы должны быть сфотографированы, желательно без позирования. Телефотграфия позволит получить значительные ансамбли. Не следует использовать одни и те же камеры в жарких и холодных странах, ни одни и те же пленки; и, как правило, проявлять их нужно как можно быстрее.

Фотографий никогда не бывает слишком много, при условии, что все они снабжены комментариями и точно локализованы: время, место, расстояние. Эти данные следует указывать как на пленке, так и в дневнике.

Кинематограф позволит заснять жизнь. Не забывайте о стереосъемке. Удалось заснять драматические представления в Либерии, перегон целых стад племен в алжирском Оресе.

Фонографическая запись, запись на звуковые пленки позволяют нам констатировать вхождение морального мира в мир чисто материальный. Перейдем же к проблеме моральной фиксации.

3) Фонографический метод. Фонографическая запись

и запись на звуковые пленки. Записывать нужно не только человеческий голос, но и всю музыку в целом, отмечая удары ног и рук. Для каждой записи транскрибируйте тексты и, по возможности, давайте перевод с комментариями. Недостаточно просто записать, нужно иметь возможность воспроизвести.

4) Филологический метод. Он предполагает знание туземного языка. Следует составить полный сборник всех услышанных текстов, включая самые вульгарные, которые никогда не бывают наименее важными. Запишите все туземные слова на туземном языке, разделяя их, что очень сложно. Отмечайте музыку; если речь идет о тональных языках, отмечайте тон с помощью любого фонетического знака.

Постарайтесь найти туземные сборники и информантов, способных дать устойчивую традицию. Хороший способ выучить язык страны — обратиться к библиям, уже изданным в регионах деятельности миссий. К каждому тексту давайте все возможные туземные комментарии — но не свои собственные. Отличные примеры публикаций дают книги Ленхардта.

В принципе, филологическая запись должна быть дословной: слово перевода под туземным словом; никакого нарушения туземного синтаксиса, никаких украшательств в вашем переводе: самая что ни на есть прямая тарабарщина. К подстрочному переводу добавьте связный текст на вашем языке, который передаст впечатление от туземного текста.

Если вы добавляете слово, ставьте его в квадратные скобки; отмечайте строку туземного текста в тексте перевода. Полное разделение на абзацы.

Отмечайте стихи, указывая длинные и краткие слоги, сильные и слабые доли.

Очень хорошими примерами таких публикаций служат, помимо книг Ленхардта, работы Тальбицера по Гренландии и труды Малиновского по Тробрианским островам.

5) Социологический метод. Он будет заключаться прежде всего в изучении истории общества. Хорошей моделью работы для подражания служит книга Монтаня о берберях.

Можно во всех подробностях воссоздать историю племени, возвращаясь по крайней мере на три или четыре поколения назад, то есть на 100 или 150 лет. Для этого опрашивайте стариков, чья память обычно совершенно точна. Вы обнаружите исключительную точность в географических связках.

Общество всегда состоит из подгрупп: племен, кланов, фратрий. Каждая из этих групп должна стать объектом изучения; не следует забывать и о военной организации. Все это зафиксировано в памяти заинтересованных лиц. Таким образом, мы будем изучать истории семей. Высшим методом является генеалогический метод, который заключается в составлении генеалогии всех переписанных индивидов. Немедленно всплывут имена родственников, имена свой-

ственников. Индивидуальные истории будут пересекаться; вы узнаете, что в определенную эпоху, а не в другую, такой-то человек называл такого-то своим братом.

Автобиографический метод, заключающийся в просьбе к некоторым туземцам рассказать свою биографию, примененный Радином, дал отличные результаты.

Полученные таким образом сведения будут перепроверяться с помощью статистики. Так, генеалогии, собранные Турнвальдом на Соломоновых островах, показывают в числе умерших более 8 % насильственных смертей.

Наконец, лишь в последнюю очередь следует прибегать к анкетированию.

Одновременное использование этих различных методов позволит добиться не только фиксации масс, но и фиксации индивидов внутри этих масс. Это индивидуальное знание приносит значительную пользу.

Этнограф, работающий экстенсивным методом, вряд ли сможет использовать эти методы. В лучшем случае он сможет договориться с некоторыми колонистами или администраторами, которые будут сотрудничать с ним на расстоянии и выявлять интересные факты. Преимущество экспедиции, состоящей из нескольких членов, здесь проявляется очень четко. Перекрестная проверка, которая всегда необходима, может быть легко осуществлена тремя или четырьмя коллегами, работающими над различными моментами жиз-

ни племени.

Чтобы быть точным, наблюдение должно быть полным: где, кем, когда, как, почему делается или была сделана та или иная вещь. Речь идет о воспроизведении туземной жизни, а не о том, чтобы исходить из впечатлений; о том, чтобы составлять серии, а не разрозненные наборы.

Социальная морфология

Обществом называют социальную группу, обычно имеющую собственное название (как самоназвание, так и данное другими), более или менее крупную, но всегда достаточно большую, чтобы включать в себя вторичные группы (минимум две), обычно проживающую в определенном месте, имеющую свой язык, свою конституцию и часто свою собственную традицию.

Наиболее примечательная трудность, которую необходимо разрешить вначале и преодолевать в ходе дальнейшего исследования — это определение изучаемой социальной группы. Действительно, не следует доверять названию, которое дают себе сами туземцы: это название чаще всего означает «человек», «благородный» и т.д. или заимствовано из какой-либо лингвистической особенности; тогда как названия, данные иностранцами, часто являются уничижительными терминами. Для определения группы существуют два средства: ареал (среда обитания) и язык.

1) Ареал. — Общая территория для относительно большой группы людей, считающихся объединенными социальными связями, обычно показательна для общества. Однако этот критерий часто оказывается недостаточным: целые страны, такие как Судан, состоят из народов, смешавшихся с XII века; в Дагомее центральная королевская власть

смогла создать лишь политическое единство путем обложения данью, оставив почти полную автономию покоренным племенам. В других местах сокращение выживших обществ внутри страны достаточно очевидно, чтобы территориальный критерий оказался надежным.

2) Язык является отличным, но очень тонким критерием; весьма трудно определить диалект или язык, не обладая выдающимися филологическими способностями. В негритянских странах существование общих корней у истоков очень обширных групп усложняет исследование. Поэтому благоразумно будет обратиться к лингвистам.

Использование этих двух средств может дать достаточные определения. К ним следует добавить указания, почерпнутые из юридических явлений, распространения центральной власти, национальных культов, границ, а также указания, основанные на внешних признаках: костюме, причёске, татуировках и т.д. Описание всех этих признаков следует поместить в самом начале работы.

Трудность определения социальной группы объясняется отсутствием нации в первобытных обществах. Нация существует лишь в части современной Европы, где социология показывает, что даже внутреннее объединение относительно. На практике этнограф констатирует лишь интерференции между группами и временными объединениями, варьирующимися от бесконечности до нуля. Поэтому не следует представлять себе суданское или банту общество по евро-

пейскому типу, зафиксированным во времени и пространстве, где мир и война исключают безупречную целостность.

На практике разумно брать группу населения внутри определенного общества и там — ограниченное число населенных пунктов с очевидно общей организацией. Наблюдатель, склонный к общему (синтетическому) исследованию, добавит строгий, локальный каталог изучаемых фактов.

Как только составлена *карта границ*, исследователь постарается создать *статистическую карту* по каждому населенному пункту изучаемого общества: на крупномасштабном плане будут отмечены все местоположения, временные или постоянные, различных местных групп. Некоторые общества действительно обладают двойной или тройной морфологией. На карте сразу же появятся города, деревни; изолированные лагеря, временные лагеря и даже временные деревни; наконец, абсолютные, временные или окончательные рассредоточения. Известно, какая большая разница существует во Франции между сгруппированными (скупенными) и рассеянными деревнями. Точно так же все кабилские деревни — это скупенные деревни, настоящие маленькие городки. Арабские же деревни, напротив, часто рассеяны. Можно найти также людей, которые могут попеременно собираться вместе и рассеиваться (феномены двойной морфологии); и целые племена, которые могут постоянно кочевать: таков случай *диула* в Западной Африке, а отчасти и мавританцев. Наконец, скотоводческие народы совершают переме-

щения на большие расстояния по мере истощения пастбищ. Кочевничество можно наблюдать на месте.

Во многих случаях понятие нестабильности следует заменить понятием маршрута (кочевья): даже у цыган есть свои маршруты. Поэтому для каждой группы необходимо отмечать не просто ее сиюминутное местоположение, но и весь ареал ее передвижений, часто на большие расстояния. Фульбе в Западной Африке, *масаи* в Восточной Африке и, вообще говоря, все скотоводческие народы, живущие бок о бок с не скотоводческими народами, в одних местах будут сервами (зависимыми) и крестьянами, в других — составят правящий класс.

К карте каждой деревни должны прилагаться:

карта сельскохозяйственных угодий для выпаса и отгонного скотоводства (трансгуманции). На ней отмечается все, что касается фауны, флоры, минералогии и, вообще говоря, все, что обуславливает социальную жизнь, не забывая о человеческих аспектах: посевах, пастбищах, местах охоты, путях миграции дичи, местах рыбной ловли; отмечаются сезоны охоты, рыбной ловли, собирательства, изменение местоположения в зависимости от сезона;

геологическая карта, которая позволит определить количество обитаемых квадратных километров для определенного населения;

карта жилищ: хижины, палатки, пещеры, лодки...

Изучение по домам дает демографию наблюдаемого об-

щества: сразу же вырисовываются крупные фрагменты социальной структуры.

Изучение группы палаток всегда даст интересные результаты с точки зрения изучения семьи. План будет сопровождаться статистикой по домам или по лодкам (например, у *матори*).

Таким образом, как только это исследование предпринято, оно предстает уже не просто как картографическое, а уже как детальное.

Затем следует изучение техноморфологии, то есть совокупности отношений между техникой и землей, между землей и техниками. В зависимости от применяемых техник будет наблюдаться географическая база социальной жизни: море, горы, река, лагуна...

Происходит ли это потому, что человек испытывает особые потребности и приспосабливается к той или иной земле, и очень часто сам ее ищет; или же, наоборот, потому что люди оказались на определенной земле, они к ней приспособились? Оба эти вопроса возникают одновременно. Кажется несомненным, что демографический фактор и технический фактор определенного населения обуславливают все при *данной земле*. При данной земле изменение в техниках может полностью изменить адаптацию: пример — железорудная промышленность в Лотарингии, ставшая возможной не из-за наличия железного колчедана, а благодаря открытию процессов, позволяющих добывать эту руду. На протя-

жении веков древесный уголь использовался для выплавки железа, потому что не была известна техника доменных печей, позволяющая использовать кокс в качестве топлива. В других местах поездки эскимосов на большие расстояния были бы невозможны без *umiak*, большой лодки, снабженной веслами.

Все это обуславливает (без возможности предвидеть это заранее) двойные и тройные морфологии: эскимосы знают двойную морфологию. Жители долины Рейна в Швейцарии имеют тройную морфологию: виноградники и поля в долине, поля на склонах гор, большие высокогорные пастбища на вершинах делают их одновременно и садоводами, и пастухами, с полным перемещением всей деревни летом и частичными перемещениями людей, ухаживающих за виноградниками, в течение всего года.

Как только определены поселения, их плотность и отношение к земле, следует изучать отношения между самими поселениями. Отношения, запечатленные на земле, которые непосредственно зависят от техник. В первую очередь это пути сообщения (карты и аэрофотоснимки), на которых будет измеряться интенсивность движения, а также продолжительность поездок. Река может быть абсолютным препятствием во время паводка, и наоборот, отличным коммерческим путем, превосходящим любой сухопутный путь, в период межени. Море не является препятствием: все жидкое — это несущий путь, и так было с древнейших времен.

Следует отметить расположение различных поселений, сменявших друг друга в регионе со времен бронзового века, в частности, неолитические стоянки свидетельствуют об усовершенствованном инструментарии: расчистка леса с помощью каменного топора (а не с помощью выжигания) ставит серьезную проблему для прокладки путей сообщения.

На этом заканчивается картографическое исследование общества, исследование одновременно статическое и динамическое, человеческое и нечеловеческое.

Остаются вариации во времени: общество живет и умирает, его возраст может быть установлен — великий принцип, который первым сформулировал Дюркгейм и который все еще слишком часто игнорируется. Общество может умереть смертью всех своих членов (пример: тасманийцы); оно также может быть распылено (уничтожено) в определенный момент (пример: лоби в Западной Африке) и воссоздано на иных основаниях; или же слиться с другими обществами, образовав синекизм: Рим — это синекизм нескольких городов: альпийских, латинских, этрусских и греческих. Иерусалим, город семитской чистоты, давал приют древним ханаанеям, израильтянам и хеттам. Описание Карфагена в «Саламбо» недостаточно в этом отношении.

Перемещения населения должны изучаться в историческом аспекте: история миграций, которые часто имеют большую амплитуду (пример: полинезийские миграции). Поиск лучшего мира в некоторых случаях толкает к эмиграции це-

лое население.

Следует подробно изучать процессы эмиграции и иммиграции, это перетекание одного общества в другое. Это вся огромная колониальная проблема, которая здесь возникает, проблема также и рабочей силы.

Таковы перемещения по поверхности земли: они определяются войной, миром, заселением, техноморфологией, природными явлениями, в частности биосоциологическими. То, что доминирует в истории заселения Африки — это присутствие мухи цеце и появление толстокожих животных, которые приносят эту муху.

Природные растительные и животные балансы, эпидемии, эпизоотии связаны с последними вопросами, которые следует задать на эту тему.

Наконец, собственно статистическое и демографическое исследование завершит изучение социальной морфологии.

Необходимо будет составить статистику по домам, на этот раз во времени; по семье (отмечать отсутствующих), по клану, по племени (если общество состоит из нескольких племен). Таким образом будут измеряться плодовитость, рождаемость по полу, заболеваемость, смертность, тщательно отличая смертность от несчастных случаев или насильственную смерть от естественной смертности.

Для всего, что касается морфологии, адаптации к почве, за основу будет взята геологическая карта страны, которая сразу же решит проблему воды. Принято считать, что нали-

чие источника воды необходимо для поселения. Но что такое источник воды? Точка, где вода естественным образом выходит на поверхность? Не обязательно: лучшие колодезкопатели в мире — это жители Южного Алжира и Южного Туниса, которые обустраивают настоящие подземные цистерны, питаемые столь же подземными каналами. Точно так же методы террасного земледелия, и особенно орошения (ирригации), могут значительно улучшить посадки; пигмеи, эти «примитивные» люди, имеют террасные культуры на Филиппинах. Этот вопрос об адаптации почвы и о жизни общества на определенной земле, о его насыщенной жизни, представляет исключительный интерес. Любое общество живет в среде, которая шире его самого, и некоторые фундаментальные элементы социальной жизни обычно объясняются присутствием на границах изучаемого общества другого общества. Даже у австралийцев, даже у тасманийцев есть «мы» и другие. Поэтому следует избегать индивидуальных объяснений: иностранный наблюдатель никогда не узнает истинную причину явления; его задача ограничивается регистрацией этого явления.

Во всем этом отношения между самыми материальными явлениями и самыми духовными явлениями вешиваются ежесекундно: пример — прекрасная работа Хернле о категории воды у бушменизированных *готтентотов* нама.

Никогда не знаешь, к чему приведет социальное явление: общество может собрать вещи и уйти в полном составе толь-

ко потому, что оно слышало о лучшем мире.

Поэтому никогда не забывайте о моральном (духовном) аспекте при изучении материальных явлений, и наоборот.

Техники

История техники — это недавняя история, исследования, предпринятые энциклопедистами, были заброшены после них. Музей Питта Риверса в Оксфорде, Музей Хорнимана в пригороде Лондона, музей Кельна предлагают отличные примеры истории техник.

Техники будут определяться как *традиционные акты, сгруппированные для достижения механического, физического или химического эффекта, и осознаваемые как таковые.*

Иногда будет трудно отличить техники от:

1) искусств и изящных искусств, так как эстетическая деятельность является созидательной в той же мере, что и техническая деятельность. В пластических искусствах невозможно провести никаких иных различий, кроме тех, что существуют в ментальности самого автора.

2) религиозной эффективности. Вся разница заключается в том, как туземец понимает эффективность. Поэтому необходимо дозировать (оценивать) соответствующие пропорции техники и магической эффективности в уме туземца (пример: отравленные стрелы).

Совокупность техник образует индустрии (производства) и ремесла. Совокупность: техники, индустрии и ремесла образует техническую систему, жизненно важную для этого об-

щества. Правильное наблюдение за этой системой должно учитывать различные пропорции.

В наблюдении за техниками необходима абсолютная точность. Малейший инструмент должен быть назван и локализован: кто им управляет, где он был найден, как им пользуются, для чего он нужен, является ли его использование общим или специальным (пример: использование ножа); он должен быть сфотографирован в рабочем положении, так же как и предмет, к которому он применяется, или его продукт; фотографии должны показывать различные стадии изготовления. Следует отмечать, в какую производственную систему вписывается предмет; изучение одного-единственного инструмента обычно предполагает изучение всего ремесла в целом.

Наконец, положение ремесел по отношению друг к другу обуславливает социальное состояние. Ошибка Маркса заключалась в том, что он считал, будто экономика обуславливает технику — тогда как верно обратное.

Исследование и коллекционирование всегда должны идти рука об руку. Наличие дубликатов обязательно, так как одну и ту же ткань, например, нужно изучать с точки зрения качества, прядения, вышивки, орнамента и т.д.

Исследование и классификация могут осуществляться под разными углами; исходя из логической точки зрения, мы придем к созданию серий, к изучению типа, к изучению стиля. Технологическая точка зрения приведет, например, к изучению топора, но не к изучению всего оружия без разбо-

ра.

Наконец, точка зрения индустрии и ремесла позволит дать живое описание общества: описание столового сервиза будет включать историю его изготовления и условия использования.

Некоторые техники предполагают лишь наличие человеческого тела, действия, из которых они состоят, тем не менее являются традиционными и проверенными опытом актами. Совокупность габитусов тела — это техника, которой обучают и эволюция которой не завершена. Техника плавания совершенствуется с каждым днем.

Техники тела будут изучаться с помощью фотографии и, по возможности, замедленной киносъемки.

Изучение техник тела будет разделено в зависимости от возраста на техники, касающиеся:

родов (положение роженицы, принятие ребенка, перерезание пуповины, уход за матерью и т.д.);

грудного вскармливания (поза кормилицы, способ ношения ребенка).

Отлучение от груди — важный момент, который часто знаменует окончательное физическое разделение матери и ребенка.

Изучение техник *у ребенка* будет включать изучение колыбели, затем всей детской жизни; воспитание зрения, слуха, исключение определенных поз, навязывание (или не на-

вязывание) амбидекстрии, изучение использования левой руки; наконец, деформации, которым подвергнется ребенок (деформация черепа, скарификации, удаление зубов, обрезание или эксцизия и т.д.).

У взрослого будут последовательно изучаться техники:

отдыха во время бодрствования: отдых стоя, на одной ноге, лежа, на скамье перед столом...

отдыха во время сна: стоя, лежа на скамье; использование подушки; подголовника (ареал которого располагается между 15-м и 30-м градусами широты); гамака.

Изучение *движений тела* будет включать движения всего тела: ползает ли человек? ходит ли на четвереньках? Походка будет варьироваться в зависимости от того, носят ли люди сшитую или драпированную одежду.

Дыхание различается при беге, танце, в магии; следует отмечать ритм дыхания, сопровождающие его движения разгибания рук и ног.

Бег позволит изучить движения ступней, рук, выносливость бегунов. Изучение танца. Изучение *прыжка*: в длину, в высоту, с шестом и т.д.; как принимается старт. Как осуществляется *лазание*: с поясом, с кошками, ползком?

Плавание является полностью традиционным. Как принимается старт, как ныряют; плавают ли с доской, с бревном? Соревнования по плаванию на панцирях черепах существуют во всем Тихом океане.

Как осуществляются *силовые движения*? Как толкают, тя-

нут, поднимают, бросают?

Следует отметить *использование пальцев* рук и ног; фокусы и манипуляции (через подмышку, через щеку...).

Гимнастика и акробатика могут стать предметом детального исследования.

Что касается *ухода за телом*, следует отмечать, производится ли мытье с мылом или без него (состав мыла); способы экскреции (как плюют, мочатся, испражняются). Не следует упускать изучение парфюмерии и косметики со сбором каталогизированных образцов.

Распределение жизни согласно *распорядку дня*, соблюдаемому туземцами, даст интересные результаты: одни общества бодрствуют ночью, другие нет. Ночи полнолуния почти всегда являются праздничными ночами.

Наконец, будут изучаться *методы размножения*, с осложнениями, вызванными искусственными деформациями; с отметкой наличия или отсутствия содомии, лесбиянства, зоофилии...

Собственно техники обычно характеризуются наличием инструмента (орудия). Инструмент (орудие) включает в себя все категории инструментов. Фундаментальным делением в этой области остается деление Рело, который делит инструменты на:

простые инструменты. Инструмент, который обычно путают с орудием в широком смысле, всегда прост, состоит

из одной детали (примеры: зубило, клин, рычаг).

составные орудия. Это комбинация простых инструментов. Пример: топор, который, помимо железной части, включает рукоятку, служащую рычагом; нож с рукояткой — это составное орудие, в отличие от зубила; стрела — это составное орудие.

машины (механизмы). Машина — это комплекс составных орудий. Пример: лук, который включает в себя древко лука, тетиву и стрелу.

Человечество, начиная с эпохи палеолита, легко делится в соответствии с этими различными эпохами. Так, тасманийцы не знали топора, который есть у австралийцев. Однако тасманийцы не остались целиком в шелльской эпохе: они относятся к ориньякскому типу, но не знали топора; их рубило удерживалось просто рукой.

Переходу от простого инструмента к составному орудю, переходу от нижнего палеолита (шелльская и ашельская эпохи) к последующим эпохам, соответствует одно из самых значительных потрясений, которые когда-либо волновали человечество.

Третья эра человечества — это эра машины, состоящей из составных орудий. Лук, ловушка, лодка с веслами (например, *umiak* эскимосов) — все это машины. Верхний палеолит — это эпоха великого развития машины.

Распределение техник

Общие техники общего назначения

Физико-химические (огонь)

Механические:

Простой инструмент

Составное орудие

Машина

Специальные техники общего назначения или общие индустрии специального назначения (Речь идет о многочисленных, но четко определенных ремеслах, процессы и формы которых диктуются традицией).

Плетение (вачерия)

Гончарное дело

Производство веревок и изделий из спартовой травы

Клеи и смолы. Красители и пропитки

Специализированные индустрии специального назначения (Все индустрии предполагают разделение труда; сначала во времени, если задачи выполняются одним и тем

же человеком; позднее — между людьми, каждый из которых посвящает себя одной специальности).

Потребление (кулинария, напитки)

Простое присвоение (собирательство, охота, рыболовство)

Производство: Животноводство. Земледелие. Добыча полезных ископаемых.

Производство и комфорт: Жилище. Одежда.

Транспорт и навигация.

Чистые техники. Наука (медицина).

Наконец, совокупность техник, предполагающих использование различных машин, служащих одной цели, образует индустрию или ремесло: охота предполагает лук, ловушки, сети; рыболовство предполагает лодку и рыболовные снасти.

Некоторые индустрии могут достигать невероятной степени сложности, например фармакопия или некоторые сельскохозяйственные техники: использование яда является признаком совершенствования техник, тогда как приготовление маниока предполагает использование нескольких процессов детоксикации.

Общие техники общего назначения

Механические техники

Общие принципы наблюдения. — Любой предмет должен изучаться: 1) сам по себе; 2) по отношению к людям, которые им пользуются; 3) по отношению ко всей наблюдаемой системе в целом. Способ изготовления потребует углубленного исследования: является ли материал местным или нет? Некоторые калыциты могли быть перевезены на значительные расстояния; поиск месторождений кремня характерен для всей эпохи палеолита и неолита; некоторые австралийские племена отправляются за охрой за шестьсот километров от своей отправной точки. Изготовлен ли предмет из мягкого или твердого дерева, необходимо провести такое же исследование. Иногда инструмент заимствуется в уже готовом виде. Изучение различных этапов изготовления, от грубого материала до готового предмета. Затем таким же образом будет изучаться способ использования и производство каждого инструмента.

Простые инструменты. — В истории ранних этапов человечества мы не знаем примеров людей, лишенных инструментов. Сам синантроп ассоциируется с определенной премустьерской фацией орудий, связанной с шелльской и прешелльской эпохами. Человек входит в историю уже экипированным; как только появляется человек, появляется и инструмент.

Основные инструменты классифицируются на:
инструменты веса и удара. Пример: молот (тогда как дубинка со звездообразным каменным навершием, характер-

ная для Полинезии — это составное орудие; а австралийское копье, бросаемое с помощью копьеметалки — это машина). Шелльское рубило иногда является инструментом веса и удара, а иногда — острием.

инструменты трения: скребок, терка.

инструменты для прокалывания: нож, коловорот и т.д.

Составные орудия. — Молоток — это составное орудие; топор — это составное орудие. Поскольку составное орудие состоит из двух или более элементов, необходимо изучить каждый элемент в отдельности, а затем связи различных элементов между собой.

Можно подразделить составные орудия на твердые неразъемные соединения (например, нож с рукояткой) и разъемные соединения (например, ступка и пестик). Жернов в действительности состоит из двух жерновов; отдельно лежащая наковальня — это лишь половина составного орудия. Поэтому необходимо изолировать элементы, чтобы затем их сопоставить. Гвоздь, шип, гнездо, шкант — это простые инструменты, но они являются частью составных орудий.

Когда части не разделены, фундаментальным вопросом является вопрос сборки (крепления): именно здесь требуется максимальная прочность и именно здесь ее меньше всего. Некоторые соединения могут быть сделаны полностью из веревок и лиан: таков малайский способ крепления при строительстве каркасов зданий; точно так же наши временные строительные леса плотников скрепляются исключительно

веревками. Клеи и смолы — еще один важный способ соединения: весь центральноавстралийский регион использует склеивание. Марокканский комплекс очень беден в плане соединений: известны только клей и крахмал, нет хороших столярных соединений; в Марокко есть несколько плохих плугов с деревянным штифтом, и это все. Подобные детальные наблюдения могут охарактеризовать целую цивилизацию.

Классификация составных орудий примерно воспроизводит классификацию простых инструментов, поскольку рабочей частью составного орудия является простой инструмент.

Орудия веса и тупые (ударно-дробящие) орудия. — Пример: топор (рукоятка, железко и насадка). Способы насадки топора многообразны; основной заключается в изогнутой рукоятке, прочно обвязанной веревкой, но другие формы гораздо сложнее: насадки в расщеп, эластичные насадки. Тесло гораздо шире представлено в человечестве, чем собственно топор: весь Тихий океан знает только тесло. Максимум, по-видимому, достигает индийский топор, который можно найти в точности таким же, выкованным из цельного куска металла, в Верхней Дагоме (наблюдение Гребнера).

Ножницы и щипцы. — История ножниц представлена в Немецком музее в Нюрнберге.

Орудия сопротивления (опорные). — Наковальня, ступка и пестик, шканды и шипы. Клеи и смолы (см. ниже).

Терка может быть простым инструментом; она также мо-

жет быть составным орудием сложной формы; терка обычно работает в паре с другой теркой.

Машины. — Одной из самых первобытных машин, если можно так выразиться, наряду с копьеметалкой, является ловушка. Ловушки на слонов в Индии поражают любое воображение; эскимосские ловушки, в которых мех не должен быть поврежден, просто необычайны. Использование ловушек, с их системами пружин, противовесов, грузов и балансиров, предполагает знание части механики; знание неформулированное, но от этого не менее реальное.

Лук, несомненно, древнее ловушки. Способы соединения дерева и тетивы в луке многообразны; они могут служить основой для классификации.

Самая простая форма пращи — *bolas* — сама по себе уже очень сложна.

Определенная совокупность машин может сама по себе составлять объект отдельной индустрии; например: навигация. Каное, снабженное веслами или байдарочными веслами, приводимыми в движение человеком — это машина. Точно так же все строительные конструкции (каркасы) являются механизмами. Важным вопросом здесь являются подъемные механизмы. В конструкции, однажды установленной на место, механика из динамической становится статической.

Иногда именно в мелких ремеслах разрабатывались очень сложные машины; фактор времени не играет роли в изготов-

лении этих машин, которые были необходимы для выполнения точной подгонки или нанизывания (пример: работа коловорота для изготовления монет; помповое сверло, распространенное во всем Тихом океане и особенно у *маори*).

Наконец, необходимо изучить все общие индустрии общего назначения в зависимости от материала: техники обработки камня, дерева (включая бумагу), кожи, кости, рога... наблюдая за пропорциями различных техник внутри социальной жизни; принимая во внимание не только сходства (совпадения), но и отсутствие: редко во французской деревне встретишь крестьянина, умеющего чинить котел; жители деревни ждут прихода цыган. Изучение ареалов цивилизаций, основанное исключительно на произвольном выборе и не объясняющее одновременно как отсутствие, так и присутствие тех или иных элементов, является неполным и плохим исследованием.

Огонь

Огонь — важное средство защиты; он не только излучает тепло, но и отпугивает хищников. Долгое время огонь приходилось прежде всего сохранять. Поэтому в первую очередь будут изучаться *способы сохранения огня*: головни, факелы, жаровни (для сохранения углей). Рыбаки Конкарно до сих пор носят с собой свой рожок для огня, коровий рог, закрытый с одного конца и содержащий папоротник или древесные опилки, которые тлеют под пеплом; рыбак дует на пепел,

чтобы раскурить трубку.

Расположение огня. Очаг располагается то у двери жилища, то в центре; огнеземельцы группируют свои хижины вокруг общего костра. Дымоход появляется лишь очень поздно, так как дым обычно не воспринимается как нечто неприятное.

Изучение *способов добывания огня* представляет значительный интерес, так как открытие этих процессов соответствует появлению первых машин. Огонь добывается трением, сжатием или высеканием:

Трением, путем систематического трения куска твердого дерева («мужского») в углублении другого куска мягкого дерева («женского»). Трение осуществляется различными способами: *сверлением, пилением, опахиванием (строганием)*. Сверление может быть простым, с помощью двух цилиндрических палочек, иногда приводимых в движение двумя людьми. Индейцы добывают огонь таким способом менее чем за двадцать секунд. Сверление было способом, использовавшимся в Индии брахманами для возрождения священного огня; в Риме огонь весталок можно было зажечь только этим единственным способом. Усовершенствованием сверления двумя палочками является *сверление с помощью шнура* (шнур попеременно наматывается и разматывается вокруг «мужской» палочки), практикуемое на Мадагаскаре и у эскимосов; в лучковом сверле эскимосов тетива лука обматывается вокруг «мужской» палочки; оператор со-

общает луку возвратно-поступательное движение в горизонтальной плоскости, удерживая «мужскую» палочку с помощью костяного колпачка, который он сжимает зубами. Наконец, помповое сверло известно индейцам Америки. При *пилении* — способе, характерном для Малайзии — две детали, «мужская» и «женская», располагаются в перпендикулярных плоскостях; жесткая пила часто представляет собой половину бамбукового стебля; гибкая пила — это лиана. Наконец, при «*опахивании*» (огневом плуге), единственном способе, известном полинезийцам, «мужскую» деталь трут вперед-назад вдоль паза, проделанного в «женской» детали.

Огонь также можно добыть путем *сжатия*, по системе пневматической зажигалки (огневого цилиндра), где поршень с трутом с силой вдавливается в цилиндр, откуда его тут же извлекают уже воспламененным. Пневматическая зажигалка, изобретенная в Европе в начале XIX века, применялась задолго до этого в Индокитае и Индонезии. Наконец, *высекание* известно таким жалким народам, как *она* в Южной Америке, которые ударяют друг о друга два куска железного колчедана (пирита). Напомним, что спички — это предмет самого недавнего использования.

К изучению способов добывания огня добавится изучение различных видов трута (сережки ивы, березовый мох, хлопковый пух и т.д.).

Затем будут наблюдаться различные *виды использования огня*. Способы *обогрева*: раскаленные докрасна камни, бро-

саемые в сосуд с холодной водой; нагревание на черепках; печи (различные формы печей; печь повсеместно распространена в человечестве, по крайней мере в форме земляной печи). Способы *освещения*: жаровни, факелы, лампы (из камня, раковин, глины, железа...). Огонь может также служить для раскалывания камня; для размягчения дерева или для его закалки. Наконец, он войдет в состав техник гончарного дела и металлургии.

Мифы о происхождении огня. Кузнец во многих обществах играет роль культурного героя.

Кузница и кузнец. — Кузнецы, люди, владеющие наряду с секретом огня секретом трансмутации металлов, очень часто являются колдунами и магами; поэтому они занимают особое положение в обществе. Во всей Черной Африке кузнец, выделенный в особую касту и презираемый, тем не менее играет роль миротворца.

К коллекции различных инструментов кузнеца (тигель, мехи, сопла и т.д.) будут приложены образцы сырой руды, сохраненные в промасленной бумаге и точно локализованные; слитки на различных этапах плавки; наконец, изделия кузни (сельскохозяйственные орудия, оружие, украшения и т.д.).

Различные операции лепки, волочения проволоки,ковки, закалки, сварки, патинирования, полировки, дамаскирования и чернения смогут стать объектом отдельного углубленного исследования. При необходимости будет сделано разли-

чие между бронзой, медью, латунью, оловом и цинком. Будет изучена техника обработки драгоценных металлов: согласно Эллиот-Смиту и Перри, везде, где есть следы мегалитической индустрии, находят золото.

Исследователь будет тщательно собирать все мифы, касающиеся различных металлов и их сплавов (влияние на химию и метафизику), а также традиционные рецепты кузнецов.

Наконец, изучение металлургии повлечет за собой изучение смежных отраслей: индустрии обработки дерева и бумаги, камня, гончарного дела, техники обработки кости, рога...

Совершенствование инструмента может зайти очень далеко. Среди лучших кузнецов мира — *нанайцы (гольды)* и другие сибирские племена. Древнегерманская металлургия намного превосходила римскую.

Специальные техники и индустрии

Здесь, вместе с понятием разделения труда, начинает появляться понятие ремесла (профессии): французский крестьянин мастерит понемногу все, но ремесла все же существуют.

Как только появляется общая техника специального назначения, возникает разделение труда — приведение инструмента в действие требует техники (навыка), которая не

обязательно распространена в равной степени по всему обществу.

Как правило, разделение труда происходит по признаку пола или возраста. Оно также происходит естественным образом по местностям, в зависимости от наличия материалов: деревня гончаров обычно располагается рядом с месторождением глины.

Не все техники одинаково распространены в человечестве: лучшее плетение корзин — на Дальнем Востоке и в Америке; лучшая бондарная продукция (изделия из дерева) встречается у аннамитов. Поэтому необходимо изучать каждое ремесло само по себе, не задумываясь о том, примитивно оно или нет; результаты не обязательно пропорциональны качеству механизмов: так, марокканские газовые ткани (кисея) производятся на примитивных станках.

Независимо от изучаемой техники, необходимо собирать все произведенные продукты; изучать все этапы изготовления механизма (или изделия).

Плетение (вачерия) — Высшие достижения в плетении корзин осуществляются не в Европе и тем более не во Франции, где лучшими мастерами лозоплетения являются цыгане.

Самые красивые плетеные изделия в мире находятся на Дальнем Востоке и в Центральной Америке, особенно у *пуэбло*. Раскопки, проведенные среди *cliff dwellers*, скальных жителей Центральной Америки, дали любопытные результа-

ты: самые красивые плетеные изделия в мире встречаются там в самых глубоких археологических слоях.

В любом плетеном изделии сначала изучается материал (местное название, научное название), все формы этого материала, с переходом от одной формы к другой. Собирайте образцы на разных стадиях.

Что касается принципов описания, следует использовать инструкции, приведенные в соответствующих этнографических справочниках. Хорошая классификация дана в *Notes and Queries on Anthropology*, стр. 245 и далее.

Плетение состоит из двух рядов элементов, регулярно соединяющихся. В *тканом (переплетенном) плетении* два элемента пересекаются так же, как на ткацком станке; но элементы плетения — это относительно жесткий и широкий материал, например листья кокосовой пальмы или пандануса, прутья ивы или акации. Второй тип, *спиральное плетение*, на самом деле сшивается: на каркасе из прутьев или трав, соответствующем основе, мастер делает стежки с помощью костяного или металлического шила. Спиральное плетение без каркаса ничем не отличается от сетки.

Каждый из этих основных типов подразделяется на многочисленные категории; мы перечислим лишь несколько форм тканого плетения. Когда каждый элемент утка регулярно пересекается с элементами основы, получается *шахматный узор*; как только изделие готово, невозможно отличить уток от основы. Если элементы утка регулярно пере-

крывают более одного элемента основы, такая техника называется *саржевой* или *маркетри*; она подходит для декоративных комбинаций. *Плетневое (каркасное) плетение* отличается от шахматного тем, что его основа жесткая. Наконец, *крученное плетение* представляет собой два или более элементов утка, которые переплетаются вокруг жесткой основы.

Изготовление обычно происходит полностью вручную, почти без инструментов; оно требует значительной ловкости. Необходимо будет описать эти движения рук, сфотографировать и снять на кинопленку, но прежде всего сделать наброски. Следует собирать модели каждого вида плетения на трех или четырех основных этапах изготовления.

Все формы являются производными от элементарных форм. Примитивной формой сетки является нить; затем идут формы косы (плетенки); плетение из трех или четырех нитей — это более высокая форма косы.

Дно корзины часто является самой сложной частью. Корзина коническая или имеет основание? Основание может быть одинарным, двойным или тройным. Круглые плетеные изделия часто имеют квадратное дно, образованное четырьмя соединенными треугольниками. Соотношение геометрических форм между собой. Хорошая часть теорем плоской геометрии и стереометрии была решена без необходимости их сознательного формулирования мастерами плетения (изготовление корзин часто является женской работой) во

всех древних обществах.

После дна изучается сборка боковин: как стойки вставляются в основание? Закрытие (завершение) и, если есть, крышка.

Давать на каждом этапе идеологию всего этого: описание в туземных терминах с, при необходимости, символикой и мифологией каждого момента.

Наконец, изучение декора. Декор обеспечивается наличием элементов разного цвета; получаемые эффекты могут быть значительными.

Затем классифицируются различные типы плетеных изделий. *Корзина*: все разновидности корзин, для любых целей: простая или двойная корзина; корзина с ручкой; поддерживаемая или не поддерживаемая веревками. Край корзины должен быть тщательно изучен. *Вейлка*. *Циновка* играет важную роль в некоторых цивилизациях: весь Тихий океан имеет циновки, весь мир Востока имеет ковры; сказка о ковре-самолете существует везде, где известна циновка. Наконец, *водонепроницаемые плетеные изделия*, в которых хранят жидкости, служат переходным звеном к гончарным изделиям.

Плетение может также служить для различных целей: ножны для сабель и даже кирасы в Микронезии, в части Северной Азии и на северо-западе Америки. Рукоятки больших микронезийских каменных топоров сплетены. Плетение также используется для изготовления головных кос, по-

вязок, браслетов, колец; а также веревок.

Связи плетения с другими ремеслами, в частности с гончарным делом.

Затем идет вопрос о тканях из волокон. Можно считать, что соломенные крыши, крыши из плетеных пальмовых листьев и другие в некоторой степени относятся к плетению. Наблюдения Кушинга, касающиеся прежде всего плетения как основы геометрии, сыграли в этом отношении решающую роль.

Гончарное дело — Гончарное дело кажется менее примитивным, чем плетение, от которого оно, возможно, частично произошло: во многих случаях формой для горшка служит плетеная корзина, на которую, чтобы сделать ее водонепроницаемой, наносят влажную глину, которую затем оставляют сохнуть на солнце. Гончарное дело изначально должно было стать заменой, с одной стороны, плетению, а с другой — каменным сосудам, которые по необходимости были очень тяжелыми.

Археологически гончарное дело является признаком неолита, или по крайней мере уже очень развитого палеолита. Полностью отсутствуя в Австралии и на Огненной Земле, оно остается очень бедным во всех странах, населенных пигмеями. Весь полинезийский регион в строгом смысле слова в настоящее время не имеет гончарного дела; но в этом регионе находят следы прежнего существования этой техники: по-видимому, от нее частично отказались под влиянием

приготовления пищи в земляных печах, этот способ не требует огнеупорной посуды. Действительно, одной из главных целей гончарного дела является создание емкостей для приготовления пищи; гидроизолированные плетеные изделия в одних случаях, и деревянная утварь в других могут заменить гончарные изделия в регионе, лишенном глинистой почвы, и это у народов, чьи ремесла в остальном высоко развиты. Также можно найти вполне примитивные народы, обладающие восхитительной керамикой, например огромные амфоры индейцев *пима* на юге Северной Америки. Одной из самых красивых известных гончарных форм является керамика тукала в Марокко, сделанная на гончарном круге, идентичном кругу с острова Джерба в Тунисе, который является одним из самых примитивных из известных.

Качество керамики проверяется по звуку.

Распространение гончарного дела легко объясняется наличием залежей глины. Торговля керамикой ведется почти везде и на довольно большие расстояния.

Исследование гончарного дела начнется с инвентаризации бытовых и религиозных предметов. Прогулка по рынку может дать неожиданные результаты. Откуда привезен горшок? Кто его изготовил? Может ли муж продавать вазу, изготовленную его женой?

Изготовление. — Кто делает горшки? Обычно существует специализация по местности и по полу. Очень часто гончаром является женщина (пример: кабийская гончарка).

Соберите образцы земли (глины); чтобы глина оставалась влажной, заверните ее во влажные тряпки и прорезиненную тафту. Туземное название, научное название земли; место добычи; подготовка, смеси. Существуют глиняные шахты (копи). Во всей Южной Америке есть миф о каолине.

В изучение различных видов керамики в первую очередь будут включены изделия, просто высушенные на солнце. Саман (утрамбованная земля) — это тоже керамика; все укрепления Марракеша представляют собой не что иное, как огромную гончарную конструкцию, высушенную на солнце. Такое распространение сырцового кирпича во всем человечестве весьма значительно. Целые амбары могут представлять собой просто керамические изделия. Все дома с плоскими крышами в Африке, Перу, Мексике построены из глины (керамики).

Затем идет керамика, обожженная на открытом воздухе или в печи.

Керамика ручной работы в зависимости от случая будет получена процессами *формовки*, *лепки* или *сборки (ленточным способом)*. В каждом случае главная трудность заключается в переходе от дна к краю, особенно когда керамика имеет ножку особой формы.

При *формовке* ремесленник использует предмет, такой как корзина или тыква-горлянка, который он покрывает глиной изнутри или снаружи; форма может быть сделана специально или нет; она может разрушиться при обжиге или быть

извлечена.

Мастер, который *лепит* свой горшок, начинает с единого куска глины, которому он придает нужную форму без каких-либо инструментов или с помощью немногочисленных и довольно простых приспособлений (деревянная колотушка, бамбуковый нож, раковина или фрагмент калебасы, служащий гладилкой и т.д.).

Наконец, *сборка (ленточный/жгутовой способ)* — самый распространенный процесс: ремесленник готовит полоски глины или жгуты, которые он изгибает, а затем соединяет давлением. Иногда один длинный свернутый по спирали жгут послужит материалом для всего горшка. Следы соединения стираются перед обжигом.

Очень часто можно встретить формовку, лепку и сборку, применяемые последовательно при изготовлении одного и того же гончарного изделия.

Гончарный круг, по-видимому, изначально был неподвижной подставкой для глиняной массы, которую мастер разминал, вращая ее пальцами; эта подставка (очень широкая деревянная чаша с зазубренными краями), став вращающейся, была закреплена на оси (тогда она образует «турнетку»), прежде чем люди пришли к настоящему гончарному кругу, простому или двойному, приводимому в движение рукой или ногой, самим гончаром или его помощником.

В ходе всей работы, использует ли мастер круг или нет, изучается работа пальцев, а в случае с кругом — работа ног;

следует отмечать использование веревки.

Сушка может происходить на открытом воздухе или внутри жилища, на солнце или в тени. *Обжиг* будет производиться на открытом огне, в яме, вырытой для этой цели в земле, или в настоящей печи. Отметьте характер и расположение топлива, средства, используемые для увеличения или уменьшения количества воздуха, поступающего к огню или к керамике, для изменения влажности и т.д.

Декорирование производится до или после обжига, либо и до, и после него. Оно может зависеть исключительно от выбора сырья и условий обжига (например, добавление угольной пыли); являться результатом заглаживания с помощью деревянной, роговой, костяной или ракушечной гладилки, или полировки; отпечатывания (вдавливания) с помощью пальца или ногтя, веревки (форма из плетеной корзины объясняет частоту узоров в виде циновки или плетения), куска ткани или другого предмета, или заранее подготовленного штампа; надрезания или вырезания (иссечения). Напечатанный или выгравированный декор иногда подчеркивается с помощью белой или цветной глины (земли) до или после обжига. Керамика также может быть украшена насечками (выемками); наложением орнаментов на поверхность; нанесением ангоба (тонкого слоя белой или цветной глины) или покрытия из гематита, охры, графита; лакированием с помощью смолы или камеди после обжига; нанесением минеральной глазури или непрозрачной эмали, цветной или нет;

росписью цветными глинами или с помощью других красителей...

Следует использовать филологический метод, прося описать весь процесс изготовления, даже профессиональные хитрости, все декорирование, в туземных терминах.

Коллекция. — Классификация керамики является одной из самых сложных.

Можно сгруппировать сосуды, опираясь на инвентарь, составленный на месте, по их использованию (назначению). Вторая классификация сможет различать их по формам, размерам и декору. Здесь вступает в силу понятие типологии, с которым мы снова столкнемся при изучении искусства. Некоторые формы встречаются очень редко, наиболее сложными для изготовления, естественно, являются кубические керамические изделия. По поводу каждой формы, каждого мотива декора следует записывать миф и идеологию. Можно также классифицировать по техническим признакам: целая часть первого кельтского слоя (культуры) имеет сосуды с носиком; наличие или отсутствие ручек, ножек. Изучение декора также может служить основой для классификации.

Полная коллекция будет включать в себя все серии, а в каждой серии — все образцы вариаций одного и того же типа. Укажите размеры, в пределах которых варьируется данный тип.

Для горельефов используйте метод эстампажа (оттиска). Символика декора; связи со скульптурой и лепкой.

Скульптура — это лепка объема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.